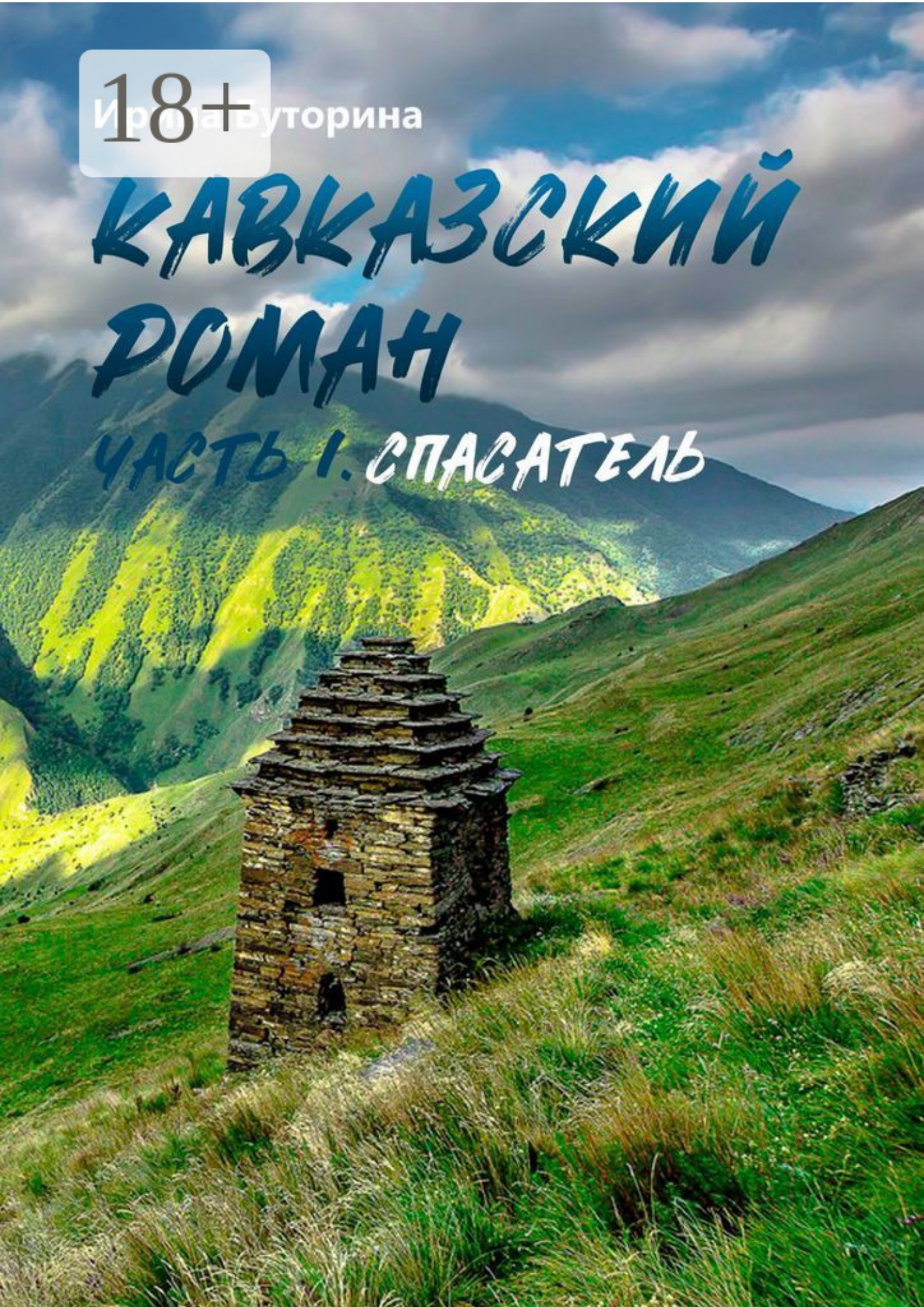

18+ Ирида Буторина

КАВКАЗСКИЙ РОМАН ЧАСТЬ I. СПАСАТЕЛЬ

Ирина Буторина

Кавказский роман.
Часть I. Спасатель

«Издательские решения»

Буторина И. В.

Кавказский роман. Часть I. Спасатель / И. В. Буторина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982322-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В первой части романа «Спасатель» пересекаются пути горца инструктора-спасателя Руслана, русской девушки комсомолки Лизы и скромной чеченки Лейлы из грозного чеченского тейпа. Судьбы каждого из них попадают под тяжелые катки истории страны: Великой Отечественной войны, репрессий тоталитарного режима и акций усмирения непокорных горцев. Однако ни что не в силах уничтожить чистые души героев, их решимость противостоять трудностям, способность любить и жертвовать собой ради других.

ISBN 978-5-44-982322-9

© Буторина И. В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Встреча в Есентуках	7
Глава 2. Инструктор-спасатель	15
Глава 3. Мать и дочь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кавказский роман
Часть I. Спасатель
Ирина Викторовна Буторина

М. Буторина *Корректор*

© Ирина Викторовна Буторина, 2020

ISBN 978-5-4498-2322-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-2323-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Кавказский роман» – историческая трилогия, состоящая из самостоятельных частей: «Спасатель», «Восхождение» и «Лавина». Это роман о трёх поколениях одной кавказской семьи, на долю каждого из которых выпало своё непростое время. Старшему пришлось выживать в условиях репрессий и Великой Отечественной войны, среднему – строить новую жизнь в послевоенные и застойные годы, на долю младшего выпали годы смуты и страшной чеченской войны. Судьбы героев романа переплетаются с судьбами других россиян, с которыми кавказцев связывает единая страна, годы мирного сотрудничества и застарелой вражды. Герой книги молод, нетерпелив и смел, он любит и ненавидит, не обращая внимания на мнение окружающих, что приносит им много радостей и огорчений. В романе практически нет отрицательных героев, но есть те, кто грешит и расплачивается за грехи по полной мере. Многие страницы романа посвящены последней кавказской войне, но не ее батальным сценам, а мирным жителям, попавшим под лавину военных действий. Они не только выживают в этих сложных условиях, но и сохраняют способность любить. В тоже время роман дает представление о том, как и почему на территории бывшего Советского государства могла начаться чеченская бойня и к чему она привела.

Это роман-исповедь, роман-покаяние, роман-примирение. Это попытка заставить россиян задуматься над тем, что надо сделать, чтобы не развалить единую страну? Как решить почти двухвековую русско-кавказскую проблему, коль Богу было угодно поселить наши народы по одну сторону Кавказского хребта?

Глава 1. Встреча в Есентуках

Неяркое зимнее солнце выглянуло из-за горы Бештау и зажгло огоньки на хрустальных люстрах, обильно украшавших потолок санаторной столовой.

– Ну вот и солнце вышло, а обещали снегопад, – ни к кому не обращаясь, сказала я. – Побоялась на Домбай путёвку брать, вдруг дорогу занесёт.

– Да разве они теперь умеют погоду предсказывать? – подхватил тему сидевший напротив симпатичный, начинающий полнеть мужчина-кавказец. – Вот у нас в Баку при Союзе была служба погоды! Она никогда не ошибалась.

– Что ты, кацо, говоришь такое? – перебил его сидевший за столом третий сосед – жизнерадостный толстяк с румянцем во всю щёку. – У вас в Баку умели предсказывать, а у нас в Подмосковье, на стратегических объектах, нет? Муть это всё, ничего они ни тогда, ни сейчас про погоду не знали и знать не хотят. Дурят народ и деньги проедают.

– Во-первых, я не Кацо, а Назим. Я много раз говорил, что я не грузин, а из Азербайджана, – посуровел кавказец. – А во-вторых, я никогда не понимал военных.

– Зачем тебе, чиновнику, нас понимать? – развеселился толстяк – полковник энергетической службы Московского военного округа. – Знай себе скрипи пером по бумаге, да и дело с концом.

– Я уже не чиновник, а генеральный директор предприятия, – давась кашей, буркнул Назим.

– Ну опять начали, вы когда-нибудь сойдётесь во мнении? – улыбнулась я

– Что тут сходиться, знаем мы этих генеральных директоров: две калеки в штате и с ними генеральный директор. Зря ты, Назим, из чиновников ушёл, они сейчас в самой силе.

– Я не сам ушёл. Я работал в Центральном комитете профсоюзов начальником орготдела. В девяносто втором он прекратил свое существование.

– В профсоюзной канцелярии, так и говори, – ещё больше развеселился полковник, запиная чаем унылый диетический завтрак. – Я всегда говорил, что профсоюзы – это главные бездельники и их надо всех разогнать.

Полковник хаял советские профсоюзы всю неделю совместного сидения за столом. И было непонятно, зачем Назим, человек интеллигентный и мягкий, терпит насмешки соседа и не переходит за другой стол.

– Понимаете, уважаемая, – повернулся Назим в мою сторону, – профсоюзный ЦК был третьей властью в республике. Нам многое было доступно. Разве я бы поехал в этот санаторий, работай я на прежней должности?

– Конечно, не поехал бы. Наверняка бы сейчас в «Москве» – лучшем санатории Есентуков – барином ходил, а прочие члены профсоюза по лачугам бы здесь селились. Я в прежние времена майором в военный санаторий не попал, так с семьёй под его стенами обретался, в хижине в два окна. Хватит, отправились ваши профсоюзы.

– Михаил Иванович, ну зачем вы постоянно обижаете Назима? – вступилась я за бывшего профсоюзного работника. – Он же не из Московского округа, а из Азербайджана.

– Да все они были одним миром мазаны, – ответил полковник и уже собрался было уходить, как на свободное место впорхнула ещё одна соседка по столу – симпатичное создание по имени Юлия.

– Ой, опять опоздала, – защебетала она, – всё этот бабусячий заезд виноват.

– Какой-какой, Юленька? – обрадовался полковник новой соседке.

– Да бабусячий, то есть социальный, ну одни бабки отдыхают и очереди кругом создают. Представляете, мне электрофорез назначили на восемь утра. Я быстро сбегала на источник –

прихожу, а там бабульки уже сидят в рядок и номерок требуют. «Какой номерок?» – говорю, а они свои старушечьи лапки тянут, на которых пастой номерок записан.

– Да, Юленька, не жили вы при социализме, и не пришлось вам номерки на руках писать, стоя в очередях за всем необходимым, – засмеялась я. – А бабушки по-другому и не понимают. Вчера медсестра им объясняет, что надо по времени, указанном в курортной книжке, приходить. Они её слушают, но думают, что номерок на руке – надёжнее.

– А я так скажу, что от старости лекарства нет и нечего этих дедов с печей стаскивать и сюда тащить. Молодых лечить надо, а не старьё всякое, – веско вставил полковник, который, несмотря на весьма зрелый возраст, откровенно молодился и хотел понравиться девушке.

– Как можно так о стариках говорить! – возмутился Назим. – У нас на Кавказе никто бы себе такого не позволил, у нас все старики в почёте.

– Ой, точно! – обрадовалась Юля. – Вчера, представляете, прикол. Пошла на танцы, а там одни дедуси с бабусями топчутся. Я уже уходить собралась, но меня парень симпатичный пригласил. Видели, молодой осетин с дедом на водопой ходят? Спрашиваю: «Ты что, больной?» – а он говорит, что просто своего деда на курорт вывез. Представляете, молодой парень повёз двоюродного деда (брата своего деда!) на курорт, чтобы ему и всей родне приятное сделать? Ну ва-аще!

– А у вас что, такое невозможно? – поднял на неё свои бархатные глаза Назим.

– Ну что вы, Назим Ахмедович, – ответила девушка, – меня бы друзья застебали по полной, если бы я даже со своей бабушкой на курорт отправилась.

– Не надо меня по отчеству называть, – улыбнулся Назим и перевёл разговор на другую тему: – Я вот давно хочу у вас, Юленька, спросить, что такое стандарт 90-60-90?

– Ну, это фигура такая. Как у меня: 90 в груди, 60 в талии и 90 в бёдрах.

– Да что вы, у вас 90-60-90? Вы же очень худенькая, неужели моему сыну такие вот худышки нравятся?

– Ой, Назим, это самый отличный комплимент, который я здесь слыхала, – обрадовалась Юля, – а то я всё время себя толстой считаю.

– Вы – толстая? – чуть не поперхнулся чаем Назим.

– Чего к девчонке пристал, хорошая у неё фигура. Стандарт! Я тоже таких люблю, – ответил полковник, поджимая живот.

– Женщина должна быть полненькой, – не сдавался Назим, – а сын твердит, что в Азербайджане все девушки толстые и поэтому он не женится. Хотел сюда ехать, но я не разрешил.

– Почему? – удивилась Юля.

– Потому что война. Я сам сюда через Москву летел.

– Как «через Москву»? – подняла бровки Юля.

– А так: самолётом Баку – Москва, а потом Москва – Минеральные Воды.

– Так это же крюк в пять тысяч километров! – удивилась я.

– Ну и что, зато так надёжнее. До войны мы сюда на машине ездили. Часа четыре нормальной езды – и Ессентуки, а теперь двумя самолётами. Слуший!

– Но война же уже закончилась, – пожала плечами девушка, – мне говорили, что тут уже спокойно.

– Конечно, спокойно, не волнуйся, малыш, – заверил её полковник, – но бдительности не теряй. Тут партизанская война ещё не кончилась. Взрывы ещё гремят. Тебя, конечно, не взорвут, а вот украсть могут, попользуют и бросят в пропасть.

– Не пугайте девушку. Здесь, говорят, на курорте ОМОНа больше, чем во всей Москве, – одёрнула я соседа.

– Да я и не пугаю, я этих абреков сроду не боялся. Это в последнее время они распоясались, а при Сталине тихо сидели. Сейчас тоже не лох к власти пришёл, пусть только сунутся – камня на камне не оставим.

После этих слов за моей спиной послышался резкий звук отодвигаемого стула, и громкий срывающийся женский голос сказал:

– Вы и так камня на камне не оставили! Больше разбивать нечего.

В проходе у нашего стола возникла фигура молодой женщины. Высокая, статная, одетая в длинную кожаную юбку, с горящими глазами, она вполне стоила бы в качестве модели для памятника кавказской Родины-матери, если бы кому-нибудь пришло в голову создать его. Я обратила внимание на её яркую красоту, блуждая по длинным коридорам лечебного корпуса санатория. Буквально вчера мы даже посмеялись вместе над одной занятой парой пожилых москвичей, где не муж – бывший капитан-подводник, – а его круглая, как шарик, жена была главой семьи. Когда я спросила, кто последний на получение процедуры, все кивнули на тихого старичка-отставника, но он смиренно ответил:

– Я не знаю, меня жена тут посадила, я и сижу.

– Ну, дорогой капитан, у вас прямо как в старинном анекдоте, – засмеялась я.

– В каком, позвольте спросить? – поинтересовался отставник.

– Построил капитан резервистов, – начала я и, увидав обращённые к нам головы скучающих в очереди отдыхающих, усилила звук, – и говорит: «У кого дома правит жена – шаг вперёд». Выполнил команду весь строй, не шелохнулся только один человек. «Вы что, дома командуете?» – удивился капитан. «Да нет, – отвечает резервист, – меня жена тут поставила и сказала не сходить с места».

Анекдот имел огромный успех, но больше всех смеялась эта кавказская красавица, открывая белые, ровные зубы и закидывая гордую голову вверх.

– А вы что, девушка, смеётесь? – с напускной строгостью посмотрела я на красавицу. – У вас-то на Кавказе, наверное, женщины так отвечают: «Меня муж здесь посадил, вот я и сижу».

– Нет, это раньше было. А теперь, по крайней мере в Чечне, не так. Пока мужчины воевали, мы сами научились себя и детей кормить, и нами уже не покомандуешь, – ответила та, посерьёзнев. – Вот мой муж остался дома, а я тут с сыном отдыхаю.

Познакомились. Красавицу звали Марина. Она приехала в санаторий из чеченского села с шестилетним сыном, который, несмотря на малый возраст, держался очень достойно, с характерной кавказской сдержанностью. Тогда, посмотрев на его белобрысую голову, усомнилась:

– Что-то ты на кавказца не похож, типичный Ванька.

На что малыш, подбоченившись и сведя в одну линию густые брови, ответил:

– Я не Ванька, а Анвар. Я чеченец!

– Ну теперь вижу, что чеченец, – удивилась я, – смотри какой грозный!

Сейчас Марина стояла в проходе, крепко держа за руку насупившегося сына, и её посуровевшее лицо ничего хорошего не предвещало. Оказывается, моя давешняя знакомая сидела буквально у меня за спиной и, по всей видимости, стала свидетелем нашего разговора.

– Что для вас эта война? – зло блестя глазами, продолжила чеченка. – Одному ехать далеко, другая – гулять боится. Вы эту войну только по телевизору видели, а для чеченцев война – это десятки тысяч погибших, сломанные судьбы и потеря всего и всех. В центре Грозного единицы не разрушенных домов, а ведь был большой красивый город. Что там ещё разбивать?

Первым нашёлся Михаил:

– Можно подумать, что мы первые начали эту бойню.

– А кто в декабре девяносто четвёртого войска ввёл? Разве не федералы?

– Конечно, надо же было защитить население от дудаевского беспредела, – взвился подполковник.

– Так, друзья, хватит этих митингов за столом. Предлагаю перейти на более нейтральные темы, а то скоро в наши дебаты включится вся столовая, и всё лечение пойдёт насмарку, –

предложила я. – Думаю, нам стоит, как это и положено в приличной компании, не говорить за столом о политике, религии и национальном вопросе.

– Правильно, слуший, – обрадовался Назим, – а то я уже хотел за другой стол пересесть, так мне тяжело это слушать. Даже, слуший, сердце болит, да...

– Назим Ахмедович, скажите, а как на фарси «слуший, да»? – вдруг спросила Юля.

– Зачем тебе, слуший, это? – удивился Назим.

– Приеду в Питер и буду так приговаривать для прикола, хотя лучше на английском: «Listen, let».

– А разве я так говорю?

– Конечно, – ответила под общий смех Юля.

– Надо же, а я и не замечаю, слуший, – смутился Назим, чем ещё больше развеселил всех. Улыбнулась даже Марина. Напряжение было снято. Перед ужином, собираясь на бювет, я услышала деликатный стук в дверь. На пороге номера стояла Марина.

– Вы на источник идёте? – спросила она, смущённо улыбаясь.

– Да, конечно, только оденусь. Вам что, водички принести?

– Нет, я тоже пойду. Просто компанию себе ищу.

По дороге на источник я поинтересовалась удивлённо:

– А как вы узнали, что я в этом номере живу?

– Мы с Анваром рядом – в сорок седьмом. Я видела, что вы – наша соседка.

– Увы, я становлюсь невнимательной, может, видеть плохо стала? Раньше все замечала, – начала сокрушаться я.

– Да что нас разглядывать? Вам, столичным жителям, мы не интересны. Я уже давно это поняла, – без тени обиды ответила Марина. – Перед вами постоянно миллионы людей на улицах мелькают, вот вы и не смотрите ни на кого. А у нас в селе всего тысяча человек живёт. Все друг друга знают, и каждый новый человек на виду.

– Возможно, вы и правы. В большом городе, если на каждого смотреть, с ума сойдёшь. Одно метро чего стоит. Вы были в Питере?

– Нет. Я в Москве была, да и то проездом. Сейчас сложно. Нас, кавказцев, ведь непрерывно проверяют, тут уж не до экскурсий.

– Раньше же это просто было, почему не съездила?

– Раньше наши женщины редко одни даже за ворота выходили, а уж в одиночку ездить совсем невозможно было.

– А сейчас, говорите, можно и одной на курорт приехать?

– Да сейчас время другое. Я семью кормлю – как мне дома сидеть?

– Странно, у кавказцев муж – всегда добытчик. Ваш что, русский?

– Да нет, чеченец. Так получилось, – нехотя ответила Марина.

Поговорили о курорте, посплетничали по поводу смешной пары отставника-капитана, которого буквально замучила своими замечаниями жена-тиран.

– Я, знаете, с ними за столом сижу. Как он может всё это терпеть? – удивлялась Марина, – причём, представляете, она всю жизнь не работает, а мужем командует. У чеченцев такое невозможно.

– Да и у русских такое редко встречается, – заверила её я. – Каждому своё счастье. Видели моего соседа по столу – азербайджанца? Он тоже, думаю, дома не подарок. Всё время жалуется, как плохо кормят, как его, пардон, пучит, какая холодная вода в бассейне. Никогда бы не могла подумать, что кавказские мужчины такие неженки.

– Он же не горец, а равнинный азербайджанец – что с них взять? Это нашим горцам обычай не позволяет расслабляться, горы слабых не любят, – объяснила Марина капризы моего соседа по столу.

Всё время похода на источник меня не покидало ощущение, что Марина хочет сказать что-то для неё важное, но не решается. И я не ошиблась. Уже стоя на пороге своего номера, она наконец-то собралась с духом и смущённым голосом спросила:

– Что вы сегодня вечером делаете?

– А что, есть предложения? – заинтересовалась я, глядя на покрасневшее лицо женщины.

– Да, – ответила она, потупившись. – Я хотела пригласить вас на танцы в военный санаторий.

– Да что же вы себе помоложе никого в подружки не нашли?

– Понимаете, если я с вами пойду, то получится, что вы меня туда сопровождаете, а если я одна пойду, то обо мне могут плохо подумать.

– Что, хочется пройтись по местам былой любви? – улыбнулась я, заглядывая кавказской красавице в глаза.

– А как вы догадались?

– Чего тут догадываться? Молодая женщина-мусульманка, а следовательно строгого воспитания, просит первого попавшегося ей человека сходить с нею на танцы. Для такого поступка ей необходим очень серьёзный повод. Это у наших женщин поводом может явиться простое желание потанцевать. К счастью, я, несмотря на годы, тоже испытываю постоянное желание потанцевать и на курортах всегда хожу на танцы. Понятно, чаще всего в военные санатории. Только там есть хоть какие-то партнёры. Если вы не возражаете, я приглашу с собой свою девушку-соседку, иначе она в этом социальном заезде скиснет.

– Конечно, почему нет? Чем больше народу, тем веселей, – обрадовалась Марина, и стало заметно, что настроение у неё улучшилось. – Анвара я с своей соседкой оставлю. Он с её девочкой дружит.

Военный санаторий был расположен довольно далеко. Всю дорогу туда я подтрунивала над собой:

– Ну вот, скажут – пришла бабушка с дочкой и внучкой, и чего ей, старой карге, дома не сидится?

– Ну что вы, Ирина! Вы ещё хоть куда. Найдёте там себе генерала и станете генеральшей, – уговаривала меня Юля, которая с радостью приняла приглашение пойти на альтернативные танцы, так как в этом санатории, по её словам, собрался «сплошной отстой».

Танцевальные вечера в военных санаториях пользовались успехом на всех бескрайних просторах бывшего Союза. И на этом курорте в офицерском клубе размещалась главная танцевальная площадка Ессентуков. Сюда приходили потанцевать женщины-отдыхающие, накуравшиеся среди старичков, изо всех ближайших и отдалённых санаториев. В большинстве из них вечерние развлечения проводили в обычных фойе или переходах из одного корпуса в другой, а в военном санатории был настоящий двухэтажный клуб – с большим зеркальным фойе на первом этаже и просторным полутёмным залом на втором.

Раздевшись в гардеробе и, проверив боевую готовность в отражениях многочисленных зеркал, мы с компанией отправились на второй этаж, немного стесняясь своей смелости. В танцевальном зале было пусто и довольно темно, так как его большое помещение освещалось только световыми зайчиками зеркального шара, крутящегося в центре потолка, и лампочками цветомузыки у пульта диск-жокея. На рядах кресел, стоящих вдоль стен зала, скучали одинокие женские фигуры, наблюдая за порхавшей по залу странной фигурой. Пожилой мужчина, с заметными навыками балетной выучки, демонстрировал какие-то странные па, не обращая внимания на окружающих.

– Надо же, он танцевал здесь и двадцать лет тому назад, – обрадовалась старому знакомому Марина. – Тогда говорили, что его отправили из балета на пенсию и мужчина немного свихнулся на этой почве.

На измятом лице бывшего балетного блуждала рассеянная улыбка. Похоже, он воспринимал этот полутёмный зал за сцену театра, а скучающих у стенки дам – за своих прежних поклонниц. Компанию ему тут же составила Юля с кавалером, который подхватил её, стоило только девушке переступить порог зала. Это трио вдохновило остальных, и танцы начались, пополняясь подмёрзшими, но возбуждёнными курортниками.

Я постоянно перемигивалась и пересмеивалась со своими молодыми подружками, так как Юлькины предсказания сбылись и моим кавалером стал действительно генерал, о чём свидетельствовали его форменные брюки с красными лампасами. Генерал давно был в отставке и форменные брюки носил, вероятнее всего, для того, чтобы придать себе больше значимости. Он был галантен, говорил высокопарным слогом и целовал ручки. Танцевал генерал старомодно, отведя руку в сторону, отчего моя рука быстро уставала, но вальсировал блестяще, и поэтому приходилось терпеть. Я любила танцевать и всегда ценила хороших партнёров, которые среди современных мужчин редкость. Генерал же хоть и пах нафталином, но двигался отменно. К тому же он был бодр и подтянут в отличие от многих молодых кавалеров, прижимавших своих партнёрш к толстым, накаченным пивом животам. Однако самым большим успехом пользовалась Марина, и неудивительно. Выглядела она замечательно. Юбка, чуть ниже колен, открывала её стройные, крепкие ноги, затянутые в сапоги на высоком каблуке. Плотный чёрный свитер с едва заметной блестящей вышивкой у горловины обтягивал высокую грудь и тонкую талию, плавно переходящую в широкие, крепкие бёдра. Но особенно хороши были её волнистые длинные волосы, которые она, оставив мусульманские обычаи за порогом клуба, распустила по плечам. Кавалеры, молодые и старые, наперебой приглашали её танцевать, однако она не соглашалась и выходила в круг только на быстрые танцы. Только когда заиграл последний, прощальный вальс из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», Марина наконец поднялась и, подав руку давно ожидавшему её милости кавалеру, закружилась, откинув голову и прикрыв глаза. Было очевидно, что ни кавалер, ни другие танцующие для неё не существуют, а есть только вальс и тот вихрь воспоминаний, который несёт её по знакомому залу.

– Как вы думаете, Ириночка, почему всё хорошее быстро кончается, а плохое длится бесконечно долго? – спросил генерал, подавая мне в фойе шубу.

– Я думаю, что, если бы счастье длилось бесконечно, оно превратилось бы в обыденность и перестало быть счастьем, – ответила я, наблюдая за тем, как Марина что-то сердито говорит своему кавалеру, вырывая из его рук свой полушубок. – Мариночка, вы с нами? – направилась я к ней.

– Да, конечно, – ответила та, почувствовав поддержку, круто отвернулась от кавалера и, взяв меня под ручку, вывела из здания клуба.

Следом вышел генерал, сокрушаясь, что не может проводить нас. Он очень обрадовался, когда стоящий на крыльце Юлин ухажёр заверил его, что доставит женщин в санаторий в целостности и сохранности.

– Я бы и сам с удовольствием, но...

– Нарзан не тот стал, – продолжил за генерала улыбающийся парень.

– Молодой человек, поосторожнее, я курортный фольклор хорошо знаю. Не успеете оглянуться, как и вам нарзан разбавлять будут, а пока вперёд, чтобы путёвка ненароком не сгорела, – сказал генерал и, поцеловав на прощание руки всем трём дамам, достойно удалился.

– А что, только нарзан разбавляют, а эссендуки нет? – заинтересовалась Юля, когда компания вышла за ворота военного санатория.

– Чувствуется, Юленька, что вы первый раз на курорте, – засмеялся парень, – анекдот такой есть. Вернулся дед с курорта и говорит своему другу: «Не тот нарзан стал. Разбавляют, гады. Раньше стоит стакан нарзану выпить – сразу на женщину тянет, а теперь хоть ведро выпей – одни клизмы на уме».

– А путёвка почему может сгореть? – продолжала свои расспросы Юля.

– Юля, пока для вас с молодым человеком нарзан не разбавляют, ваши путёвки не сгорят, – весело сказала я, увлекая вперёд Марину и оставляя молодых наедине.

– А, поняла! – крикнула нам вслед девчонка. – Чтобы путёвка не сгорела – надо влюбиться!

– Трудно сказать, надо или не надо, – тихо проговорила Марина и ускорила шаг.

Выглядела она притихшей и отстранённой.

– Надо, Мариночка, потому что по-настоящему счастлив человек бывает только в любви, всё остальное: деньги, слава, успех – приносят удовлетворение, но не счастье, поверьте мне, уже совсем немолодой женщине», – произнесла я давно сформулированную для себя фразу.

– Наверно, это так, – печально сказала Марина и совершенно неожиданно заплакала.

– Ну вот, Мариша, такая красавица, а плачет. Да за вами тут весь зал ухаживал, – стала утешать её я.

– Никто мне не нужен, – вытирая неожиданные слёзы, заявила Марина. – Однажды я уже на этих танцах влюбилась. Не знаю, чего в этой любви было больше – счастья или горя?

– Второй раз встречаю женщину, для которой кавказский роман стал знаковым в жизни. Первой была моя мама, – уточнила я, поймав удивлённый Маринин взгляд. – Когда-то, ещё в молодые годы, она была здесь по туристской путёвке, влюбилась в молодого инструктора – кавказского джигита – и всю жизнь его вспоминала. С тех пор ей нравились только брюнеты и красное вино, пригубив которое она тут же начинала вспоминать свою незабвенную поездку на Кавказ и свою первую любовь.

– Они поженились? – заинтересовалась Марина, стряхивая снежинки с пушистого воротника зимнего пальто.

– Нет. Это была романтическая история, закончившаяся, к сожалению, трагически. Парень этот, Руслан, покалечился на войне. Из-за этого у них не срослось, иначе вы бы сейчас со мной не разговаривали.

– Как была его фамилия, этого парня? – продолжала расспросы Марина.

– Я, честное слово, не знаю. Знаю только то, что он был черкес, а встретились они в чеченском селе, где он лечился, а она была хирургической медсестрой.

– Госпиталь располагался в селе Боевое? – спросила Марина остановившись.

– Да, вроде так называлось это село.

– А вашу маму не Лиза зовут?

– Лизой звали, она умерла три года тому назад.

– Это был Руслан Уламов, муж бабушки Лейлы! – воскликнула поражённая догадкой Марина.

– Ваш дед?

– Нет, это был отчим моего отца. Бабушка очень любила своего второго мужа и много рассказывала мне о нём. Моя девичья фамилия тоже Уламова, так как дедушка Руслан усыновил моего отца. Так что мы с вами почти родственники.

– Да, воистину тесен мир, – поразила я, – говорят, все люди на земле связаны друг с другом максимум пятью звеньями.

Мы остановились, удивлённо разглядывая друг друга, и очнулись, только услышав голос подошедшей к нам Юли:

– Вы чего стоите?

– Мы, оказывается, почти родня, – радостно посмотрела на неё Марина.

– Да-а-а? Прикол! – протянула Юля, но, по всей видимости, парень, крепко державший её под руку, был ей в настоящее время значительно интереснее нашего родства.

С того памятного вечера и до самого отъезда мы с Мариной много общались, рассказывая друг другу о своей жизни, о жизни своей семьи так откровенно, как говорят со случайными попутчиками, пытаюсь понять себя, своих близких и то время, в котором выпало жить.

Глава 2. Инструктор-спасатель

Марина была родом из села, стоящего у столбовой дороги, соединяющей две кавказские республики. Эта дорога была единственной в селе улицей, растянувшейся на два километра между склонами пологих в этих местах гор. Село получило своё название от стоявшей здесь когда-то казацкой крепости «Боевая» и называлось Боевым. Жили здесь многие народы Кавказа, но чеченцев и ингушей было больше. До войны русских в селе было мало – несколько семей казаков и двое, как их тут называли, пришлых: старый фельдшер Степан Иванович, попавший в эти края ещё в 20-е годы, да тётка Зина, похоронившая в этой земле всю свою родню. Тёткин муж Фёдор на излёте Гражданской войны был прислан сюда из Рязани в милиционеры. Однажды во время облавы на банду Мурата он застрелил его брата. Кровная месть горцев унесла с собой и его, и двух её сыновей – ещё почти мальчишек. Жену не тронули, так как женщина по кавказским обычаям за мужчин не отвечает.

В отличие от русских сёл, кавказские – безлюдны. Дома строят окнами во двор, который ограждён от улицы сплошным забором с крепкими воротами. В этих районах выражение «Мой дом – моя крепость» наполнено неподдельным смыслом. Домашняя крепость защищает и от своих, вечно враждующих, кланов, и непрощеных гостей. В Боевом бывалолюдно только по воскресеньям, когда через село проезжали автобусы с туристами, направляющимися с Кавминвод в столицу Чечни – Грозный. В эти дни у магазина собирался базар, где продавались нехитрые кавказские товары: лепёшки с сыром и творогом, шерстяные шали и свитера, овечьи шкуры и коньяк, вернее, самогон, выдаваемый торговцами за краденный с завода пятизвёздный армянский напиток. Откуда в этом захолустье может взяться коньячный завод – никто не задумывался, но туристы нарасхват брали бутылки и уговаривали друг друга, что лучшего коньяка и не пробовали, да ещё и по такой цене.

Торгуют только женщины, да и то только из тех семей, где нет кормильца. Остальным по чеченским обычаям не положено выходить за ворота дома без сопровождения, разве что в магазин или на базар. Многие из замужних женщин годами не бывают на улице. Их удел – рожать детей, готовить обед и молиться по мусульманскому обычаю пять раз в сутки. Если учесть, что детей в семьях пять-шесть, а для молитвы каждый раз надо переодеваться в просторную длинную рубаху, то времени на праздные прогулки у горянок нет. Хиджабы, а тем более паранджу, здесь никогда не носили, но с того момента, как девочка становится женщиной, голова ее должна быть покрыта платком.

В июле тридцать девятого года пришедшие на базар торговли увидели на ступеньках магазинного крыльца молодую женщину, почти девочку, с младенцем в руках. Она была едва прикрыта лохмотьями. Её стёртые, израненные босые ноги распухли и покрылись струпьями, руки и лицо почернели от грязи и загара, но, даже несмотря на это, любой, глядя на неё, сказал бы – красавица. Точёные черты лица и голубые глаза, тонкие запястья и щиколотки выдавали в ней породу, которую несколько поколений оттачивают богатые и облечённые властью люди, выбирая себе в жёны самых красивых, самых привлекательных женщин. На вопрос о том, кто она, нищенка только плакала, утыкаясь лицом в ребёнка, который не подавал признаков жизни.

Сердобольные женщины дали ей кусок лепёшки. Половинку её девочка буквально проглотила, а остаток затолкнула в рот младенцу, который молча глядел в небо такими же голубыми, как и у матери, глазами. От слабости сосать лепёшку он не мог, и мать, разжёвывая её, заталкивала кашу в рот младенцу.

– Может быть, с гор смыло? Там недавно оползни были, – сказал шофер остановившегося у базара грузовичка. – Явно смыло, вон какая грязная. Хорошо хоть, не погибла с мальцом.

Услыхав его слова, девочка едва заметно кивнула.

– Точно оттуда, – обрадовался шофёр, – вишь, кивает.

Среди женщин случилась тётка Зина, которая, по чисто русской привычке, привыкла лезть не в свои дела и принимать решения. Она и предложила отвести девчонку к фельдшеру, чтобы он посмотрел девушку и младенца. Степан Иванович установил полную дистрофию у матери и младенца и положил их на единственную в фельдшерском пункте койку, оставив выяснение личности до лучших времён. Однако даже после того, как у мамы и младенца порозовели щёки, добиться от девочки, откуда она и почему здесь, не удалось никому. Она односложно отвечала с сильным чеченским акцентом:

– Смыло с гор, оползень.

На вопрос, как называлось их разрушенное село, отвечала ещё неопределённое – Аул.

Всё, что смогли узнать, – так это то, что зовут её Лейла, а малыша Гейдар. Времена были смутные, и по всем законам Лейлу надо было передать властям, но ни староста села, ни тем более фельдшер делать этого не стали. В то же время по селу поползли слухи, что девчонка сбежала из дома, нагуляв ребёнка, что по мусульманским законам было великим грехом, за что пришлую следовало изгнать из села. Несколько раз с этим предложением приходили к фельдшеру сельские старики, но тот стоял на своём: «Они больны и должны ещё подлечиться». В конце концов, когда уже стало понятно, что девочка и малыш здоровы, и надо было решать их судьбу, Степан Иванович вдруг заявил, что он в свои семьдесят лет решил жениться на этой девочке, и что она согласна. Селяне не стали спорить. Для всех это был выход. В сельсовете выдали им свидетельство о заключении брака, и Лейла поселилась в фельдшерском доме на правах жены и хозяйки.

Новоиспечённый муж Степан Иванович Долгов не стал хоронить свою молодую жену за забором, а, наоборот, пристроил её к делу, взяв в штат фельдшерского пункта на должность санитарки, приговаривая: «Учись, голубушка, кусок хлеба у тебя будет, когда помру, а, даст Господь, ещё и выучу тебя на врача». Однако Господь дал не учёбу, а войну, которая грохотала в Кавказских горах долгие два года.

Наступление на Кавказ началось в августе 1942 года, когда после неудачи под Москвой Гитлер понял, что война будет затяжная, а для танков необходимо горячее. Ближайшие нефтяные вышки были в Грозном, откуда недалеко было уже и до бакинской нефти. Немец наступал на Кавказ и по его предгорьям и штурмовал Кавказский хребет в лоб, желая выйти в Закавказье через горные перевалы. Гитлер был уверен: Кавказ будет лёгкой добычей, так как населён горцами, уже полтора столетия воевавшими с Россией. Однако всё оказалось далеко не так. Только небольшая часть местного населения встречала фашистов с радостью и дарами. Остальные дрались за свою землю отчаянно. Поднялись все – от военных до гражданских. На подступах к Грозному были сооружены мощные укрепления, построенные руками мирного населения. Много полегло здесь солдат, но город врагу не отдали. Не покорился Кавказский хребет и знаменитой немецкой горной дивизии «Эдельвейс». Уже больше полувека, как отгремели те страшные бои, но до сих пор всех, кто прикасается к этой теме, поражает, как смогли не обученные вести военные действия в горах, плохо одетые и плохо вооружённые советские солдаты разбить немецкие войска, набранные из спортсменов-альпинистов, хорошо вооружённых и одетых в комбинезоны с подогревом?

Война подкатилась практически под самые заборы Боевого, и в этом прифронтовом селе был размещён полевой госпиталь, куда перешёл работать Степан Иванович с молодой женой. Раненых и обмороженных бойцов сотнями сгружали с санитарных машин в Боевом. Обмороженные были особенно несчастны. Их отрезанные отмороженные конечности зарывала в больничном дворе помогавшая в госпитале Зинаида. Нередки случаи были, когда от бойца оставался один обрубок без рук и ног. Этих тётка Зина и Лейла особенно жалели и много отдавали сил, чтобы уменьшить их страдания. Лейлу любили все. Редкая красота санитарки не оставляла в покое ни старого, ни молодого. Чуть солдат отходил от боли, он непременно влюблялся

в санитарочку, называя её на русский манер Лилей. Много судачили по поводу её откровенно старого мужа, но никому из ухажёров не удалось увидеть на её лице хотя бы подобие интереса к себе. Один только раз дрогнуло спокойное лицо горянки, когда в госпиталь привезли обмороженного лейтенанта-кавказца. Утром, придя на дежурство и увидев в палате лежащего бойца, она вскрикнула: «Магомет!» – и метнулась к кровати раненого, но тут же, поняв, что обозналась, отпрянула и, закрыв лицо руками, со слезами выбежала из палаты.

Раненого звали Руслан. Звание лейтенанта он получил на фронте за храбрость и умение командовать людьми. Командирские замашки были у него в крови, так как происходил он из семьи потомственных военных, служивших верой и правдой вначале русскому царю, а потом народу в Красной Армии. Детство Руслан провёл под Самарой – в военном городке, где служил его отец. Русский язык, который он осваивал одновременно с черкесским, был ему практически родным, но гортанные звуки, характерные для жителей этих мест, выдавали в нём кавказца. Руслан не захотел стать военным, так как с того самого момента, когда семья вернулась в родные места, заболел горами и ещё мальчиком совершал восхождения, участвовал в дальних походах и спасательных операциях. Так что выбирать специальность ему не пришлось, и сразу после школы Руслан поступил в педагогический институт на физкультурный факультет, а после его окончания стал инструктором по горному туризму.

Альпинизм и туризм начали зарождаться в СССР в сложные 30-е годы. По решению партии каждый комсомолец в эти годы должен был доказать, что он готов к труду и обороне, сдачей норм ГТО. В связи с этим занятия спортом становились проверкой на лояльность, демонстрацией преданности коммунистическим идеям. Руслан никому ничего не доказывал – он любил горы. Они были его домом, местом работы и его культом, наконец. Перед войной в горы потянулись крепкие парни, желающие проверить себя штурмуя вершины Кавказа, толпы фанатичных комсомольцев, желающих взглянуть на родину вождя, и просто любопытный народ – за острыми ощущениями и развлечениями. Среди последних было немало девушек и молодых женщин, для которых Руслан был олицетворением горца, воспетого в стихах Лермонтова: красивым, смелым и загадочным. Несмотря на свою молодость, он, как и большинство горцев, выглядел значительно старше своих лет. Солидности придавали быстро отраставшая чёрная щетина, скрывавшая юношескую округлость щёк, и строгий, мужской взгляд, унаследованный от многих поколений своих предков, умевших и врага разглядеть на противоположном склоне горы, и прицелиться в него точно и хладнокровно. Усов Руслан не носил, так как согласно черкесским обычаям, пока жив отец, сын не имеет права носить бороду и усы – признаки уважаемого и состоявшегося человека. Ходил он в черкеске и чувяках, а в холодные горные ночи надевал на голову лохматую баранью шапку. Но особенно он был хорош, когда раздевался до пояса, обнажая великолепный торс с широкими плечами и тонкой талией. Влюблялись в него практически все туристки, включая и дам далеко не первой молодости. Он же, купаясь во всеобщем внимании, никому предпочтения не отдавал. Однако, возвращаясь домой, туристки взахлёб рассказывали, что у них на Кавказе был роман. Были ли эти романы на самом деле – знал лишь Руслан, но, в отличие от своих приятелей, постоянно похвалявшихся лёгкими победами над туристками, отмалчивался, когда заходил разговор на эту тему, либо говорил, что ему милее свои горянки.

– Товарищи туристы, помните, что мы находимся в горах. Горы не любят невнимательных, отчаянных и неосторожных, – инструктировал он перед выходом в поход свою группу. – Мужчины, в походе забудьте о спиртных напитках. При встрече с местными горцами ведите себя приветливо, но сдержанно, ни в коем случае не проявляйте своей слабости, у нас слабаков не просто не любят – их презирают и могут обидеть. Девушки, горный поход дело тяжёлое, лучше сразу откажитесь от него и сидите здесь на базе, но если уж пошли, то не нойте и не отставайте. При встрече с местными ни в коем случае не заговаривайте с ними и тем более

не кокетничайте. Иначе наши джигиты вас неправильно поймут и могут украсть. Тогда никакая милиция вас не найдёт, и жаловаться будет некому.

– А с вами можно кокетничать? – обязательно находилась какая-нибудь боевая и любопытная.

– Со мной и другими инструкторами можно, но не нужно, – отвечал он, едва заметно улыбаясь. – Это отвлекает от нашей сложной задачи – взятия трёх перевалов и одной вершины. Всё понятно? – заканчивал он инструктаж на строгой ноте, для пушшего колорита подчёркивая кавказский акцент.

Однако ни инструктаж, ни напускная строгость инструкторов не могли заставить туристок распространиться с мечтами о романтической любви в этих загадочных и суровых горах. Во время пеших переходов и у костра только и разговоров было о том, что кто-то из местных пытался ночью проникнуть в лагерь и украсть понравившуюся туристку. Руслан не поддерживал этих разговоров, но и не опровергал. Он практически сразу догадался, что мысль о том, что её могут украсть, одинаково волновала и девчонок, и замужних дам и придавала походу на Кавказ необыкновенный колорит. Дома, на равнине, они скупно говорили о красотах Кавказа, предпочитая рассказывать истории о похищении горцами невест. Удивительно, но эти разговоры не отталкивали, а, наоборот, привлекали на Кавказ новых и новых туристок. Многие инструкторы специально запугивали туристок рассказами о похищениях и нередко, чтобы развлечься, разрешали местным ребятам немного попугать туристок. Те были рады стараться: стучали вечером в окна, выскакивали из-за кустов на пробирающихся в туалет девчонок, забегали ночью в открытые окна.

Не обходилось и без курьёзов. На Кавказе долго гуляла байка о том, как одна пионервожатая Лиза из волжского города разыграла джигитов. Один из местных кавалеров всю смену грозился её украсть, если она добровольно не согласится стать его женой. Девчонка, тоже развлекаясь, умело заводила кавалера, давая понять, что она не прочь быть украденной, даже кровать свою у самого окна палаты показала. И вот в последнюю ночь заезда этой группы турбаза проснулась от истошного крика. Потом что-то с грохотом упало, затем раздался звон разбиваемого стекла, топот ног. Когда в женскую спальню ворвались инструкторы, а перепуганные насмерть туристки, с трудом нащупав в темноте выключатель, включили свет, то их взору предстала дикая картина. На полу у окна сидела и громко рыдала толстуха Вера, рядом сидел окровавленный Лизаветин ухажёр Махмуд. На соседней же кровати, заливаясь смехом, прискакивала несостоявшаяся невеста Лизавета. Оказывается, накануне она поменялась местами с толстой старой девой Верой, которая, страдая от духоты, попросилась к окну. Незадачливый ухажёр вместе со своим дружкой влезли ночью в окно и, уверенные, что воруют хрупкую девчонку, накрыли тучную деву буркой и стали её поднимать. Вера весила больше ста килограмм. Такой вес взять было нелегко, но джигиты, не соображая, что происходит, пытались оторвать её от кровати. В конце концов поднять подняли, а удержать не смогли. Вера с грохотом упала на пол, оглашая округу воплями. Один из похитителей выскочил в окно и убежал, а второй, наткнувшись в темноте на оконное стекло, разбил его и порезал себе руку.

Весь тур Вера была непрерывным объектом для шуток и розыгрышей, и весть о её несостоявшемся похищении разносилась по всем туристским тропам. Виной всему была сама простодушная и смешная Вера. Едва переступив порог турбазы, она заявила, что ещё ходит в девицах и по совету своей подруги – ивановской ткачихи – приехала на Кавказ искать жениха. Вид у искательницы руки и сердца был более чем живописный. Казалось, что она состоит из нескольких шаров: круглой головы, покрытой жидкими завитушками перманента, круглого торса с двумя объёмными шарами груди и круглого, колыхающегося при каждом шаге живота. Всё это великолепие было упаковано в ситцевое платье с накладными карманами, украшенными бантиками из тесьмы. Между карманами под натянутой материей откровенно просматривалась впадина пупка, глубокая как кратер Везувия. Платьев было три, но все они

были на один фасон, а вот сатиновых шаровар, которые носили в ту пору все туристки, Вера не признавала. Шаровары ей заменяли голубые трикотажные рейтузы с начёсом, неизменный атрибут гардероба большинства советских женщин тех лет. Их долгие годы на потеху всему миру выпускала лёгкая промышленность Советского Союза, и они исчезли с прилавков вместе с исчезновением самой страны. Ходили слухи, что в конце пятидесятых годов это дамское бельё стало причиной обострения франко-советских отношений, когда звезда французского и мирового кино Жерар Филип, побывавший в Москве, увидав эти образчики «высокой» советской моды в ГУМе, потрясал ими перед сотней фотоаппаратов и кинокамер мира, высказывая предположения, что они могли бы вместить не только женщину, но всю Эйфелеву башню. Страна артиста любила, но такого издевательства не простила.

Башню не башню, а вот рюкзак в такие рейтузы вмещался свободно, что доказал на одной из стоянок смехач и балагур Витёк, засунув в сохнувшие на верёвке Верины доспехи самый большой рюкзак со спальником и палаткой. Вообще, эти интимные предметы Вериного гардероба, которые время от времени показывались из-под ситцевого подола, очень волновали воображение Витька и давали ему пищу для новых хохм и выдумок. То он доказывал Вере, что эти рейтузы являются основной причиной не сложившейся личной жизни, так как вряд ли кто-то из мужчин справился бы в ответственную минуту с такими «бомбардяками». То предлагал уступить этот «пояс невинности» другой туристке – Раисе, которая неоднократно исчезала из освещённого костром пространства то с одним, то с другим кавалером. Витёк считал, что Верины доспехи вполне могли бы, если и не усмирить неуёмный Раисин любовный пыл, то по крайней мере распугать поклонников. Но самой навязчивой идеей Витька было испытать рейтузы в качестве парашюта и, привязав к ним рюкзак, сбросить с горы, чтобы не тащить эту тяжесть на горбу. Вера на все выпады в адрес любимых рейтуз заливалась звонким смехом, забавно трясая выдвинутой вперёд нижней челюстью с веером мелких, жёлтых зубов.

Другим поводом для шуток были различные сценарии похищения Веры, в которых участвовала практически вся группа, однако только Лизавета смогла воплотить эти невероятные планы в жизнь. Простодушная Вера верила и не верила в возможность похищения, но когда это произошло, то перепугалась и выла белугой. Только миг длилось замешательство, потом начался повальный хохот. Глядя на сидевшую на полу «невесту» в нелепой длинной рубашке с забавным бантиком у ворота, смеялись все: и Верины соседки, и прибежавшие на шум остальные туристы и подоспевшие инструктора. Смех был такой заразительный, что Верины слёзы быстро высохли, и она, многократно повторяя подробности несостоявшегося похищения: «А я лежу, а он меня, а я кричу, а он лезет», вначале смущенно заулыбалась, затем начала похихикивать, и в конце концов всё её пышное тело стало сотрясаться от смеха, заражая всех собравшихся незатейливым весельем.

Веселье кончалось, когда на турбазу возвращались измученные восхождением группы альпинистов. Мужчины искали острых ощущений в возможности покорить очередную вершину. Альпинизм в стране только зарождался, но с каждым годом число претендентов на покорение кавказских вершин увеличивалось. Выручать из беды отчаянных, но неумелых альпинистов посылали группы специально обученных спасателей, укомплектованных из числа инструкторов турбаз. Они собирались быстро – по-военному – при первом же сообщении о случившейся беде. Так что рискованной работы у Руслана хватало. В мае перед самой войной он с другом, рискуя сломать шею, участвовал в поисках, пропавших на двуглавом Домбай-Ульгене, альпинистов. Забраться на вершину они смогли, но вот для спуститься вниз не сумели. Когда спасатели добрались до них, только один из альпинистов был способен двигаться самостоятельно. Остальных троих пришлось спускать завязанными в палатки и спальники с помощью веревок и забитых в скалы крюков. Одной из спасённых была девушка. Её, почти бездыханную, было спускать особенно тяжело. Спуск длился около четырёх часов, и был момент, когда только чудо спасло Руслана от падения в пропасть вместе с этой девчонкой. Когда же

на безопасном месте девушку извлекли из палатки, она была уже мертва. Руслана долго потом преследовало её юное заиндевелое лицо. Спустя годы на фронте он видел множество таких мёртвых молодых лиц, но то, первое, так и осталось в тайниках его памяти как самое страшное воспоминание.

Руслан попал на фронт практически сразу после объявления войны. Он был откомандирован в пехотный полк и вместе с ним прошёл, прополз болота Смоленщины, воевал под Москвой и оборонял Сталинград. Дисциплинированный, тренированный и умеющий управлять людьми, Руслан быстро стал двигаться по служебной лестнице, тем более что младший офицерский состав долго на фронте не задерживался. Уже в боях под Сталинградом он командовал ротой и был в звании лейтенанта. Когда немцы двинулись на Кавказ, все солдаты и офицеры, имевшие опыт горного туризма и альпинизма, были отозваны с фронтов и направлены в специальный полк, который должен был остановить знаменитые элитные войска «Эдельвейс». Бои шли тяжёлые, но родные горы помогали. Они же упокоили на своих склонах десятки тысяч крепких парней с обеих воюющих сторон. Среди советских солдат было мало тех, кто умел вести войну в горных условиях. Они особенно часто гибли, проваливаясь в пропасть, попадая под лавины, скатываясь со склонов вместе с пушками и миномётами и боеприпасами. Руслану приходилось не только воевать, но и учить солдат выживать в горах. Зима в тот год стояла суровая. В горах, когда выходило солнце, было даже жарко, и многие бойцы в спокойные дни загорали. Когда солнце заходило и поднимался ветер – трудно было найти укрытие, где бы он не пронизывал тело своими ледяными пиками.

Батальон Руслана закрепился на одном из самых высоких перевалов Кавказа и несколько долгих недель вёл кровопролитные бои. Силы были на исходе, а главное – кончались боеприпасы и провиант. В занесённых снегом палатках скопилось много раненых и обмороженных. Обеспечить спуск этих несчастных своими силами было невозможно. Каждый солдат был на счету, а тут ещё оборвалась связь с «Землёй» – так называли в батальоне расположившееся на равнине командование.

– Спасай, лейтенант. Надо идти за подкреплением, иначе нам тут всем хана, – прохрипел сорванным и застуженным голосом командир батальона. – Ты здесь свой, дорогу найдёшь, бери своих разведчиков – и вперёд.

До войны Руслану не раз приходилось ходить по этим склонам. Он прекрасно знал их коварный нрав. Особенно опасны они были в снегопад, который валил уже неделю, собирая на склонах огромные массы снега, готовые в любую минуту обрушиться вниз, увлекая за собой всё, что встречалось на пути. Сход лавин, чтобы отрезать русских от тыла, постоянно провоцировали немцы, обстреливая склоны из пушек и гранатомётов. Понятно, что дойти в таких условиях было сложно, но невозможно было не идти. После недолгих сборов его рота вышла в жидких утренних сумерках, надеясь к ночи добраться до долины, где был расположен командный пункт.

Над горами стояла низкая облачность, которая разделяла горы пополам. Над облаками в лучах восходящего солнца сверкал занесённый снегом перевал с нависшей над ним скалой, за которой укрылся батальон. Впереди белел густой туман облака, за которым была неизвестность. Ступая шаг в шаг по глубоким сугробам, ориентируясь только по компасу, к полудню вышли из облака и тут же попали в снежную пургу. Облако высыпало на склон остатки накопленного снега, который белым вихрем носился над головой, забивался за воротник, залеплял глаза и рот. Ориентироваться было сложно, но и немцам в такой метели невозможно было обнаружить отряд. Однако через пару часов спуска, как это часто бывает в горах, снег вдруг прекратился, и из-за туч выглянуло яркое солнце, осветив великолепную панораму гор с белыми клыками вершин и бесконечный склон с чернеющим внизу лесом. От строгой и безмолвной красоты гор перехватило дух и стало удивительно легко и празднично. Война осталась там, высоко в горах, а здесь царил ослепительный мир и покой.

Руслану вдруг вспомнилось, как накануне войны ему пришлось учить на этих склонах горнолыжному искусству приехавших из Москвы лыжников. Его предупредили, что народ собрался непростой, и он головой отвечает за их безопасность. Можно было и не предупреждать. По экипировке туристов было видно, что за птицы слетелись на эти горные склоны. Особенно выделялась своим оперением единственная в группе женщина – высокая, стройная блондинка, одетая в красный вязаный жакет с белым орнаментом и такую же шапочку. Властная и холодная, она всем своим видом показывала, что инструктор для неё такой же атрибут лыжной прогулки, как лыжи и ботинки. Её надменное лицо немного смягчилось, когда после долгих усилий ей, с помощью Руслана, удалось осилить небольшой спуск на лыжах. Ещё тень улыбки мелькнула на её лице, когда на своих стареньких, с облупленной краской и основательно истёртых лыжах Руслан продемонстрировал виртуозный спуск и с разворотом остановился у её ног как вкопанный. Кое-кто из спутников дамы тоже неплохо владел лыжами, но Руслан был просто великолепен. В те времена о сноуборде ещё не слышали, но инструкторы, забавляясь, выделяли такие трюки, что дух захватывало.

Вечером в приюте, организованном в старой кошаре, под треск поленьев в очаге было много выпито и говорено. Вино и пережитые вместе трудности быстро сближают. Руслан, поразивший всех своим лыжным мастерством, стал героем, которого захмелевшие москвичи похлопывали по плечу, приглашали в Москву и обещали горы золотые, или, как минимум, тренерскую должность в одном из спортивных клубов столицы. Руслан знал цену хмельным русским обещаниям, но из вежливости не отказывался. В мерцающем свете огня он был особенно хорош. Идущий от очага жар и разлившееся по телу тепло горячего грога заставили его снять толстый шерстяной свитер и обнажить великолепный торс, покрытый тёмным горным загаром.

Руслан скорее почувствовал, чем увидел устремлённый на него взгляд женщины, рассматривающей его с хмельной откровенностью. Кому не льстят восторженные взгляды? Руслан приосанился и слегка поиграл мускулами под гладкой бронзовой кожей.

– Не правда ли, он похож на того племенного жеребца, которого мы видели на конезаводе под Пятигорском? – вдруг сказала женщина, ни к кому не обращаясь, но так, что вся уже изрядно подвыпившая компания услышала эти слова.

– Норочка! Зачем вы обижаете парня? – попытался урезонить её один из спутников.

– Нет-нет, действительно, посмотрите: такая же гордая посадка головы, такие же играющие мускулы и горящий взгляд. Вот-вот раздует ноздри и заржёт от радости и восторга, – продолжала Нора, в упор разглядывая Руслана.

– Нора, ты опять заводишься? Прекрати, это, наконец, глупо, – тихо сказал ей сидевший рядом высокий полноватый брюнет, который постоянно был рядом с нею.

Праздничное настроение улетучилось практически от первой же фразы, но Руслан демонстрировать обиду гостям не стал и только после того, как забросил в огонь последнее полено, натянув свитер и шапку, вышел из кошары на мороз. Была ли обида? Мужчина-горец не может позволить себе обиду, но горячая кровь стучала в виски. Он понял, что для этой компании он только часть горного пейзажа. Если бы такую выходку позволил мужчина, то Руслан знал бы, как ему поступить. С женщинами горцы не воюют. Горянки никогда подобного себе не позволят. Заезжие туристки – в основной своей массе народ, простой и весёлый – могли бы что-нибудь такое ляпнуть, но в шутку, что не задевало. Здесь же было элементарное столичное хамство, дающее право москвичам говорить с провинциалами как с холопами.

Взяв в руки топор, Руслан выместил свою злобу на куче напиленных поленьев. Разрубив последнее, он выпрямился и вдруг вздрогнул от прикосновения к своей разгорячённой шее холодных рук. Резко повернувшись, в свете ущербной луны увидел Нору. От неё пахло вином и дорогими духами.

– Уведи меня куда-нибудь от этих сытых морд, жирных плеч, отвисших животов и тощих рук и не злись. Ты мне просто понравился, – обняв его, зашептала она.

Её горячие, липкие от вина губы впились в его задубевший на морозе рот, не давая дышать. Только на миг проснулось желание, но тут же погасло от пронзившего всё тело отворачивания. Схватив женщину за тонкие запястья, он оторвал её от себя и, оттолкнув, сказал:

– Жеребцы с суками не паруются.

– Тварь, животное, ты пожалеешь об этом! – зашипела она и бросилась в кошару.

Он ночевал в сарае, зарывшись в солому. Утром лыжники уезжали в Пятигорск. На Норином лице не дрогнул ни один мускул. Мужчины были опять холодно вежливы, как и при первой встрече. Последствий эта история не имела, но долгое время нам душе сохранялся тяжелый осадок, который не давал расслабляться в присутствии столичных гостей.

– Подтянулись! – отдал он команду разведчикам. – До спасательного леса ещё километра два по голому склону, а при такой видимости маскхалаты плохо спасают, и в любую минуту отряд может быть обнаружен. Можно, конечно, залечь и не двигаться, но до сумерек ещё далеко, да и мороз крепчает.

Решили по возможности двигаться вниз. Ползли долго, пока связист не провалился в неглубокую щель, подняв снежное облако. Практически в то же время прогремел выстрел немецкой гаубицы, и не успело горное эхо повторить его, как над головами послышался грозный рёв идущей лавины. Роту подхватило воздушной волной, которую гнали впереди себя сходящие снежные массы, и понесло вниз. Сколько длилось падение – миг или вечность, – сказать сложно. Осознание реального конца звенело в голове и сжимало душу. В безвыходной ситуации даже очень мужественный человек всегда вспоминает маму. Вот и в затуманенном мозгу Руслана, как уже не первый раз на фронте, встал светлый образ матери. Страх не за себя, а за неё, потерявшую в первые же дни войны мужа – кадрового офицера, а потом старшего сына – лётчика, был сильнее страха за собственную жизнь.

Все матери на огромном пространстве воюющей Европы молились о спасении своих детей. Молитва матери Руслана была услышана. Его не засыпало лавиной, не разбило о скалы. Его, летящего практически с небес, остановило, изрядно покалечив, дерево. В момент удара уже отключаящимся от боли сознанием он понял, что спасён. Первое, что он увидел, очнувшись, было то, что раньше называлось лесом. Лавина повалила деревья набок, ободрав почти все ветки. Создавалось впечатление, что какой-то шутник воткнул в склон уже спиленные и очищенные деревья. Сам Руслан висел на одном из них, зацепившись за обломок большого сучка лямками уцелевшего рюкзака. Сильная боль была во всём правом боку, но совершенно нестерпимо болела нога, застрявшая под наклонённым деревом. С огромным трудом и чудовищными муками удалось вытащить ногу. Его полученных на физкультурном факультете медицинских знаний и опыта спасателя хватило для того, чтобы поставить диагноз: открытый перелом голени чуть ниже колена и, по всей видимости, сломано несколько рёбер. Постоянно теряя сознание от острой боли, наложил на ногу шину из остатков веток, попытался встать, но тут же снова упал от пронзившей всё тело боли. В таком состоянии искать отряд было бессмысленно. Да и приказ был при необходимости добираться каждому самостоятельно.

Несколько раз свистнув и не получив ответа, Руслан пополз, покатился вниз, ударяясь сломанной ногой о торчащие из-под снега камни и деревья. К вечеру, когда уже стало смеркаться, он добрался до скалистого обрыва. Если бы напрямик, то до того памятного приюта, где произошёл инцидент с Норой, было недалеко, ещё километр с небольшим. В обход надо было проползти ещё как минимум километров пять. Вспомнились слова любимой шутки туристов:

– Сколько ещё до приюта? – спрашивали они у инструкторов.

– Километров пять, – бодро отвечали те, стараясь не замечать воплей возмущения.

– А на лошади?

– Километра два, не меньше. Почему-то эта шутка всех всегда забавляла и давала силы на то, чтобы одолеть остаток пути.

Увы! Не было возможности ползти ещё пять километров в сгущающихся сумерках, на занемевших руках и одной здоровой ноге, но остаться до рассвета на морозе тоже было невозможно. «Лошадь не лошадь, а парашют бы не помешал», – подумал Руслан и принял единственно возможное в данной ситуации решение. Выбрав наиболее заснеженную площадку под скалой, он прыгнул вниз, стараясь не упасть на поврежденную ногу. Уже проваливаясь в сугроб, он все-таки задел здоровой правой ногой торчащие из-под снега камни, и резкая боль опять отрубил сознание. «Сколько пролежал он в этом сугробе, сколько полз до приюта, отталкиваясь одними локтями», – сказать сложно, но, добравшись до его порога, всё, что он смог, – это выстрелить из ракетницы в воздух. Его нашли местные жители и привезли полумёртвого в штаб. Здесь сознание вернулось ровно на столько, чтобы он смог, с трудом ворочая языком, передать донесение склонившемуся над ним человеку с погонами майора. Потом всё унеслось в огненном вихре бреда. В этом нескончаемом бреду первой пришла мама. Она кинулась к нему и закричала:

– Магомет!

«Я не Магомет, я Руслан», – хотел сказать он, но язык почему-то не двигался, а тяжёлые веки опустились и закрыли глаза. «Странно, – подумал он, – почему мама такая молодая, как на той старинной фотографии?» В детстве он любил разглядывать эту фотографию, приклеенную на плотный пожелтевший картон, с витиеватой печатью на обратной её стороне и подписью: «Фотография г-на Монс». Папа на этой фотографии был в черкеске, в папахе, с кинжалом на боку, а мама – в чёрном длинном платье, с белой вуалью на голове. На руках её, в белой кружевной рубашке, с голыми ножками, сидел годовалый Руслан, а его старший брат Магомет, в настоящей черкеске с газырями, стоял рядом. С детства брат мечтал стать лётчиком. Накануне войны года он закончил Армавирское лётное училище и получил лейтенантские погоны, а в начале июля погиб, протаранив своим ястребком немецкий бомбардировщик. Руслан был ещё дома, когда пришло известие о гибели брата, и видел, как за один день поседела и постарела его мама. «Как так случилось, – вертелась в воспалённом мозгу мысль, – что мама опять помолодела, и как попала сюда, ведь наш город сейчас оккупирован немцами?»

Второй раз он пришёл в себя от бившего в глаза яркого света. Так светит солнце только на заснеженных горных вершинах. Свет бил прямо в лицо, а рук, чтобы от него загородиться, Руслан поднять не мог. И тут в этом ярком свете он ясно увидел Лизу. Да, это была она, но повзрослевшая и уставшая. Он узнал бы её лицо среди тысяч других лиц и через многие годы.

Тогда, в далёком тридцать седьмом, когда он повёл самостоятельно в горы свою первую группу, он сразу её заметил. Не заметить эту весёлую и симпатичную девчонку было сложно. На первом инструктаже она задала множество вопросов: какая самая высокая точка Кавказа, был ли он на ней, как и кто будет разводить костёр в походе, и сколько длится один переход до привала. Скрывая свое смущение, он отвечал на вопросы коротко и односложно, но лизины вопросы не кончались, пока Раиса, явно непитавшая симпатии к девушке, не прикрикнула:

– Так, кончай базар, что да как – потом узнаешь, а сейчас и покушать бы не мешало.

– Пусть спрашивает, если интересно, – заступился Руслан за девчонку, но та умолкла, бросив на Раису сердитый взгляд.

Его забавляли не столько сами вопросы, сколько то, что она непрерывно называла его «товарищ инструктор» и обращалась на «вы». Из её анкеты знал, что они с нею ровесники. Опыта общения с девушками у него не было, но раньше его это не смущало, а теперь, стоило Лизе обратиться к нему, он чувствовал, что земля уходит из-под ног и не только лицо, но и всё тело заливают выдающей волнение краской. В школе, где он учился, было отдельное обучение мальчиков и девочек, а на спортивном факультете в институте учились одни парни, да

и не в обычаях кавказцев было вольное общение с девушками. Так что науку общения с женщинами ему пришлось постигать в горах, и первой девушкой, которая заставила смущённо биться его сердце, была Лиза.

Была ли она красива? Да нет, но её широкое, славянское лицо с крупными чертами необыкновенно красила улыбка. Кроме того, благодаря живому нраву, острому языку и природной общительности, она всегда оказывалась в центре внимания, и большинство окружающих её мужчин были в неё слегка влюблены. И даже зануда Кол Колыч (так переименовала эта забавница имя и отчество одного из туристов высокого и худосочного Николая Николаевича) был к ней неравнодушен и обижался на Лизавету, когда она сватала его за толстушку Веру. Махмуд, инструктор параллельной туристской группы, известный сердцеед и хвастун, заигрывал с Лизаветой непрерывно. Ухаживал он чисто по-восточному, намекая на свои редкие достоинства, которые, по его мнению, смогут превратить Лизу в верную и любящую жену. Что это за достоинства – он не говорил, но уверял:

– Всё забудэш; и мать, и отца, и своих пионеров забудэш.

Любопытная, но неискущённая Лизавета допытывалась, что это за достоинства такие, пока шалая Райка, которая была замечена с Махмудом в горных потёмках, не сказала, зло смеясь:

– Хватит из себя целку строить. Хреном своим хвастает, которого у него отродясь не было.

Лизавета не всё поняла в этой грубой и странной фразе, но больше приставать с расспросами к Махмуду не стала. К возможности быть украденной она относилась как к пионерской забаве и поводу повеселиться. Подставив Веру, она искренне верила в то, что сделает её счастливой. Тогда, той суматошной ночью, Вера, успокоившись, действительно была счастлива и непрерывно повторяла:

– Права была Клавдия: сколько жить буду, столько и на Кавказ ездить стану.

Несчастен был только Махмуд, так как его, джигита, осмеяли, да ещё рука сильно ныла. Если бы не эта рука, то и не узнать бы никогда Лизавете о том, что и Руслана не обошли её чары.

Он постучал в девчачью палату через полчаса после неудавшегося похищения и спросил, есть ли среди туристов медики. Лизавета оказалась единственным человеком, причастным к медицине, так как училась на третьем курсе медицинского училища и только летом, во время каникул, подрабатывала вожатой в пионерском лагере. Сказав, что рука у Махмуда кровит и надо её посмотреть, Руслан повёл Лизавету к пострадавшему, жившему в главном корпусе турбазы, за ручьём. Во время перевязки Махмуд был зол и молчалив. Лиза тоже была строга и молча делала своё дело.

«Вот когда она настоящая», – подумал Руслан, глядя на её сосредоточенное лицо и ловкие руки.

Убедившись, что кровь остановилась, Лиза и Руслан отправились в свой корпус. Говорить почему-то не хотелось. Он тихо взял её за руку и повёл за собой по тёмной извиистой тропе. Рука её была тёплая и мягкая. «Как у мамы», – с нежностью подумал Руслан. Когда переходили ручей, Лиза поскользнулась и чуть было не свалилась в воду, но Руслан подхватил её на руки и уже не отпускал на землю до самого корпуса. Лиза не сопротивлялась, не смеялась, по своему обыкновению, а тихо приникла к нему, обхватив руками его крепкую шею. Почувствовав её расположение, обычно сдержанный и неразговорчивый, Руслан, прижавшись щекой к любимым ямочкам, начал шептать в её тёплое ушко те ласковые черкесские слова, которые в детстве слышал от мамы. Потом на скамейке у корпуса, под раскидистым дубом, они целовались до самого утра. В перерывах между поцелуями говорили о том, о чём говорят в первые минуты признаний все влюблённые на свете. О том, как увидели друг друга и влюбились, как тяжело было скрывать чувства и как мучительно ревновали ко всем, кто был рядом. Для них обоих это был первый в жизни поцелуй и первые признания. Обнимая Лизу, он, мучаясь от острого,

но ещё неясного желания, старался ничем не смутить и не обидеть её. Через тонкую материю рубашки он впервые ощутил блаженство от прикосновения к девичьей груди, однако, как ни велико было искушение приникнуть к ней губами или сжать это чудо в руках, он сдержался.

Когда над горами загорелась сиреневая в этих краях заря, они разошлись, поклявшись друг другу не расставаться никогда. Руслан уснул, едва коснувшись подушки, но буквально через час его разбудили и сказали, что снимают с маршрута спасать группу пропавших альпинистов. Он собрался быстро, по-солдатски, но в последнюю минуту написал Лизе записку, что любит её и вернётся в группу сразу, как только закончат поиск. Записку попросил передать Раису, которая случилась в это раннее время у корпуса.

Поиск и спасательная операция длились почти неделю. К этому времени группа уже вышла на побережье Чёрного моря, где разместились на недельный отдых. Догнать её не было ни времени, ни возможности. Через месяц, уже дома в Черкесске, он получил от Лизы письмо (адрес он предусмотрительно указал в записке). Оно было очень весёлым, хотя начиналось фразой: «Без тебя стало очень скучно». Лиза подробно описала все приключения черноморского отдыха. Что Верунчик нашла себе поклонника – молоденького и шуплого аджарца, который прогуливался с нею по турбазе, обняв за толстую ситцевую талию. Что, к всеобщему удивлению, уже в последние дни завязался роман у Кол Колыча и Раисы, которые друг друга до этого ненавидели. Кол Колыч весь поход призывал её не позорить группу и даже предлагал устроить комсомольское собрание, чтобы осудить аморальный Раисин облик. Та в ответ на все его выпады твердила, видимо, единственное известное ей математическое правило: «Колыжды кол – кол». И вдруг, под самый занавес, они объявили всем, что намерены пожениться, так как любят друг друга.

Было в письме и много других забавных пустяков, но не было ни одного слова о любви, кроме дежурного: «Целую, Лиза». Он написал в ответ такое же, ни к чему не обязывающее письмо со скудным описанием сложной операции спасения альпинистов, о том, что во время зимней практики в техникуме они с группой будут прокладывать горнолыжную трассу в Приэльбрусье и, что будет очень рад, если она на зимних каникулах приедет к нему покататься на лыжах. Что он подготовит ей лыжи, а ботинки надо взять с собой. Закончил он письмо, как и она: «Целую, Руслан». А ещё вложил в конверт любительскую фотографию, где он был изображён с альпинистским снаряжением на фоне гор, с надписью: «Вот каков горный орёл». Чувства, переживания, напряжённое ожидание её письма описывать он не стал. Его насторожил дружеский тон Лизаветинового письма, да и не мастак он был писать письма. Потом потянулось мучительное ожидание очередного письма, но оно так и не пришло...

В начале нового туристического сезона случилось то, что должно было когда-то случиться. В последнюю ночь перед завершением первого похода он рано ушёл в свою палатку, не став дожидаться конца прощального вечера. Перед сном, как всегда, он стал перебирать в памяти милые подробности встречи с Лизой и незаметно уснул. Уже во сне пришла она, такая милая и желанная. Поцелуй её упругих и горячих губ заполнил всё его тело теплом и сладостной болью. Её мягкие и нежные руки скользнули вниз и освободили рвущееся на свободу желание. Радостный стон облегчения вырвался из его груди, когда он почувствовал, что погружается горячее и нестерпимо нежное. Чувство погружения было настолько приятным, что хотелось его повторять вновь и вновь. И он входил в эту радостную глубину, пока не содрогнулся от неповторимого и необъяснимого наслаждения, извергнув из себя семена новой жизни.

– Лиза, – скорее выдохнул, чем сказал он и только тут понял, что это не сон, что он действительно сейчас стал мужчиной с реальной, а не воображаемой женщиной.

– Кто ты? – только и смог вымолвить он.

– Потом, потом, мой мальчик, – шептали ее губы, а нежная рука гладила его только что освободившуюся от семени плоть.

Другой рукой она освобождала его и себя от мешавшей одежды. Руслан лежал на спине, ничего не соображая и ничего не желая соображать. Вдруг он почувствовал прикосновение к голому животу горячей и влажной женской плоти, и только что утолненное желание проснулось вновь, и уже она, сильная и ненасытная, старалась достать до самого доньшка, до той самой точки, за которой – блаженство. Сколько продолжалась эта дивная скачка – сказать невозможно, но вдруг женские руки больно впились в его голые плечи. Всё её тело содрогнулось, и, сдерживая стон, рвущийся из самого её нутра, женщина, замедляя темп скачки, ещё несколько раз качнулась и, охнув, распласталась на горячей Руслановой груди.

– Сладкий мой, я так и знала, я чувствовала, что ты великолепный мужчина! – прошептала она.

– Кто ты? – опять повторил он и провёл руками вдоль её стройных, спортивных бёдер, взъерошил короткие жёсткие волосы.

– Я не Лиза, – ответила она спокойно и откинулась на дно палатки.

– А кто?

– Завтра, завтра, мой милый, всё завтра! – раздался тихий шёпот, а потом послышалось ровное дыхание.

«Уснула», – понял Руслан. «Завтра, завтра...» – эхом отдавалось в его расслабленной голове. Он узнает всё завтра, и завтра всё повторится. Он проснулся на рассвете от того, что замёрз, хотя его голое тело было укрыто буркой. Рядом никого не было. Быстро одевшись, он вышел из палатки и обошёл весь лагерь. Было тихо, и туристы ещё безмятежно спали, готовясь к последнему переходу через перевал.

«Уж не приснилось ли мне всё это? – подумал парень. – Кто в молодости не видит эротических снов? Нет, она была живая, реальная». Вот и его маленькая палатка хранит новый, необыкновенный запах её тела и его мужской силы. Он вдохнул всей грудью этот терпкий запах и опять наполнился сладостной болью желания. Успокоившись, Руслан стал перебирать в памяти всех, кто мог быть сегодня у него. Женщин стройных и с короткой стрижкой было четверо: тихая и молчаливая студентка из Орла, имя которой он постоянно забывал, болтливая хохотушка Оля из Киева, которая практически сразу нашла себе пару и весело проводила время с молодым инженером из Подмосковья, и девушка, прибывшая к их группе со своим парнем. Ещё была в группе Доцентша – так вся группа называла строгую и грубоватую преподавательницу из Уфимского университета, но она никак не подходила на роль ночной гостьи, так как была немолода и несимпатична.

На утренней линейке он был необыкновенно строг и сдержан, хотя всё его тело было наполнено необыкновенной лёгкостью и радостью. Туристки вели себя как всегда перед расставанием с понравившимся им инструктором. Они шутили, звали в гости, горевали о том, что он не может поехать с ними отдыхать на побережье. Веселы были все: и тихая студентка, которая смотрела на инструктора влюблёнными глазами, и прибывшая к группе девушка, которая впервые оторвала взгляд от своего спутника, широко и просто улыбалась Доцентша и впервые не выглядела жёсткой и колючей. Не улыбалась только хохотушка Оля. Она была печальна и впервые стояла в стороне от своего поклонника. «Неужели она?» – подумал Руслан и даже не сдержался и спросил:

– Где улыбка, Оля?

– Похоже, она её потеряла тут в горах, – ответила за неё Доцентша.

– Ничего я не теряла и не находила, – вспыхнула Оля и бросилась назад в палатку, куда за ней немедленно устремился ухажёр.

Руслан не знал, что делать, и поступил так, как требовал от него регламент турпохода:

– Группа, стройся, вперёд – шагом марш!

Перевал взяли сходу, а за ним группу принял инструктор-грузин и повёл отдыхать на бархатное августовское море.

Руслан долго стоял и смотрел вслед уходящей группе, но никто не оглянулся. Впереди их ждали новые впечатления и новые встречи. Его тоже ждала новая группа, и только молодое тело, вкусившее с древа познания, ждать не желало. В новых походах недостатка в женщинах не было, хотя связей своих он никогда не афишировал, да и женщин выбирал неболтливых. Они же, настрадавшиеся в одиночестве или рядом с пьющими мужьями, которыми так славится Россия, любили жарко и без претензий. Увы, но то, что радовало тело, не задевало душу, в которой накрепко засела память о Лизе

Лиза стояла в лучах бьющего в глаза света в белом халате и кого-то горячо убеждала:

– Не надо левую руку – как он жить будет?

– Проживёт, а так – верная смерть, – отвечал чей-то строгий и равнодушный голос. – Вы медик, разве не знаете, что такое гангрена, да ещё и на фоне пневмонии? Руку может спасти только чудо, помноженное на неустанный уход, который в условиях полевого госпиталя оказать никто не сможет.

– Я смогу, – отвечал звонкий Лизаветин голос.

– У вас нет на это времени. Операция за операцией. Сколько вы спите?

– Я это сделаю, даже если вообще спать не буду», – сказала она твёрдо. – Вы его не знаете. Легко распорядиться чужой судьбой, когда ты не знаешь человека.

– Не забываетесь, Елизавета Николаевна, – прозвучал раздражённый голос мужчины. – Я – хирург, и если я начну думать о судьбах оперируемых, а не об их жизнях, то половина здесь лежащих отправится на тот свет. Вы не можете взять ответственность за его жизнь на себя, так как не являетесь его родственницей.

– Я могла стать его женой, – скорее выдохнула, чем сказала Лиза и вдруг заплакала, уткнувшись в марлевую салфетку.

– Вот только соплей нам сейчас не хватало, – разозлился хирург.

И вдруг из тёмного угла операционной в жёлтое пятно света вышла тоненькая женская фигурка, так похожая на мать Руслана, и тихо, но уверенно заявила:

– Я помогу Елизавете Николаевне. Я горянка и с детства умею лечить раны и обморожения лекарственными травами. У нас в горах нет аптек, но есть много трав, я их собираю каждый год.

Получив поддержку, Лиза перестала плакать и жаром принялась убеждать хирурга сохранить левую руку лейтенанта и что она готова взять ответственность на себя как единственный знакомый лейтенанту человек.

– Делайте что хотите, у меня сегодня ещё пять операций, – заворчал хирург и вышел из операционной.

Руслан слушал этот спор, не понимая его и не принимая на свой счёт. Ни левая, ни правая рука не болели, а вот поломанные ноги ныли, и ещё мучила невыносимая жажда. Практически не разжимая рта, он простонал:

– Пить!

Сделав глоток из поднесённого к губам стакана, тут же опять провалился в горячую бредовую бездну. В воспалённом мозгу мелькнула одна-единственная мысль: «Они здесь».

Лизу он не забывал никогда. В заснеженных окопах под Новгородом и в продуваемых степях Поволжья, лёжа под бомбёжками и собираясь идти на разведку, он всегда вспоминал своих любимых женщин: Лизу и маму – и был уверен, что бог не допустит, чтобы он ушёл в иной мир, не повидавшись с ними. И вот они рядом, когда ему по-настоящему тяжело. Понимание страшной беды, которая приключилась с ним, пришло после недели мучительной горячки, когда миновал кризис. Очнувшись ночью в тёмной палате, он вдруг отчётливо понял, что та жизнь, которая была раньше, кончилась, и началась новая, мучительная, с которой ещё предстояло свыкнуться. В памяти всплыли слова Лизы о левой руке, он перевёл взгляд на ноющую руку и увидел её всю забинтованную, но почему-то не хватало сил взглянуть на правую

руку, а тем более поднести её к глазам. Кроме того, перед ним, высоко поднятым на подушках, странной, пугающей пустотой белела, в ярком свете заглядывающей в окно палаты луны, лежащая на ногах простыня. В памяти вдруг стали всплывать слова и события, доносившиеся к нему через пелену бреда. Осознание того, что он теперь калека без рук и ног, пришло к нему со всей своей жестокой беспощадностью. Стон, а скорее, тяжёлый вздох вырвался из его больной груди, и сейчас же из темноты к нему метнулась женская фигурка, и он с раздражением понял, что это та женщина, которую он в бреду принял за маму. Похожа, но не она. Никого, кроме матери, видеть ему сейчас никого не хотелось.

«Почему я не погиб? – непрерывно думал Руслан. – Почему я не погиб в самые страшные дни войны под Смоленском в той роще, где за неделю боёв полегли десятки тысяч красноармейцев?» В последний день этих страшных боёв он был контужен и, очнувшись ночью, с трудом выбрался из-под горы придавивших его тел погибших. До сих пор душу сжимал ледяной страх от воспоминаний о том, как он брёл в свете полной луны по заваленной мёртвыми телами роще. Он мог не раз погибнуть при обороне Сталинграда, но пули облетали его, как заговорённого. И вот теперь он лежал искалеченный родными горами. Зачем Всевышнему надо было оставлять на земле его истерзанное тело? Как ему жить, для чего? Ну замёрз бы тогда в горах – ни боли, ни осознания конца, просто небытие. А теперь мучительное существование, полная зависимость от других. Как бы в подтверждение этих тоскливых мыслей прозвучал тихий вопрос:

– Утку?

Это простое слово с полной ясностью определило его нынешнее положение. «Теперь я всю жизнь буду вынужден опираться на чужую помощь», – мелькнула в мозгу Руслана невыносимая мысль, и он злобно буркнул:

– Нет!

Женщина, почувствовав его настроение, тихо отошла от кровати. После этой страшной ночи Руслан впал в тяжёлую депрессию. И так немногословный, он практически вообще замолчал, отвечая на обращённые к нему вопросы только «Да» и «Нет».

Особенно невыносимо было видеть Лизу, которая делала перевязки. Только лёгким кивком головы Руслан дал понять ей, что узнал. Больше на его лице, зарастающем густой чёрной бородой, прочесть было ничего невозможно. С санитаркой Лейлой, которую он принял за свою мать, было проще. Хоть и не знакомы они были, но она была своя, горянка, принимающая мужчину таким, какой он есть, тихо и безропотно. Однако и с нею он был холоден и неприветлив. Даже мысль о возможности сохранения левой руки, над которой неустанно колдовали две женщины, практически не занимала его. Страшная тоска сковала сердце, и не было в этой тоске ни надежды, ни желания жить.

Палата, в которой лежал лейтенант, была большой. Размещалась она в одном из классов сельской школы. Лежали здесь тяжелораненые, каждый со своей бедой и болью. Но даже для этих страдальцев, горе свалившееся на молодого и красивого парня, казалось страшнее собственного, и каждому, кто как-то мог двигаться и говорить, хотелось сказать ему слова утешения. Хотя какое уж тут утешение мужику, оставшемуся без рук и ног? Только сосед справа, болтун и балагур Стёпа, попавший в армию из рязанской деревни, простодушно разглагольствовал, пытаясь подбодрить Руслана.

– Ну что же, как без рук да без ног? Главное-то у мужика не это. А то, что главное, при нём, то самое, что нянька в утку суёт. В войну-то мужиков страсть сколько побито. Так что любой выживший после войны будет нарасхват у баб. А бабе, ей что, ей только это самое и подавай.

– А как он бабу будет кормить? – раздавался чей-то любопытный голос.

– Чего её кормить? Она-то с руками, сама наестся, – резонно отвечал Стёпа.

– Да нет, как он деньги на семью будет зарабатывать? – не унимался голос.

– Баба и заработает, надо только русскую найти. Наши русские привыкли мужиков обрабатывать. Если бы не русская баба, то и мужиков бы в Расее не осталось, все бы вымерли, спимшись, – авторитетно заявлял Степан.

Оспаривать этот нелестный для русских мужиков тезис охотников не находилось. Правды в нём, к сожалению, было много, да и очень хотелось Руслану ну хоть какую-то надежду дать. Стёпа же, помолчав, добавил:

– Да и искать ему долго не придётся. Сама нашла. Вон как сестричка Лизавета вокруг него вьётся, так задницей и крутит тут у меня под носом. Мол, перевязки да всё такое, а сама, видно, уж лейтенанта присмотрела. Настоящий мужик, хоть и урезанный, да и пить, как наши, вряд ли будет. Им вера мусульманская не позволяет, – демонстрировал Степан познания местных обычаев.

Руслана раздражали эти дурацкие, бесцеремонные разговоры, но ни оборвать говоруна, ни прикрикнуть на него у него не было ни сил, ни желания. Даже сквозь свою непроходимую тоску он понимал, что Степан утешает его как может, и обижать его не хотелось. Стёпа и сам был весь искалечен. В горы он попал по глупости. Назвавшись альпинистом, он записался в горный полк и практически сразу свалился со скалы. Недаром говорят, что дураков и пьяных господь любит. Упав, он переломал себе всё, что мог, но голова осталась цела. Уже больше месяца Степан, как нетранспортабельный, лежал в Боевом в госпитале – загипсованный, с грузами, подвешенными к каждой из не желавших правильно срастаться ног. Надежд на то, что он обретёт подвижность, было мало. На вопрос, зачем он записался в горный полк, он неизменно отвечал:

– Всё деревня да деревня, поля да леса, а тут – горы! Уж больно мне картинка на папиросах «Казбек» нравилась, решил своими глазами взглянуть на горы, которые там нарисованы. Вот и глянул, нечего сказать...

Несмотря на свой несчастный вид, Степан не терял присутствия духа и без всякого стеснения заигрывал с женщинами.

– Стёпка, я на Кавказе хотела на настоящих джигитов посмотреть, – смеясь, говорила ему весёлая санитарка Валька, – а тут, оказывается, самый главный джигит ты – курносый да рыжий. Хорошо хоть, привязанный, а то боязно было бы и в палату заходить.

– Ну и что, что рыжий, – скаля свои редкие зубы, парировал Стёпка, – а ты подойди поближе, уже я тебя здоровой-то рукой приглублю.

«Хорошо ему, – думал про себя Руслан, – руки у него целы. С руками можно жить. Вот недавно сосед справа, как бы невзначай, вслух газету читал, где про лётчика, лишившегося на войне двух ног, писали. Как он ходить на протезах научился, как опять в полк вернулся и снова летать начал. Но ведь у него руки целы, а я практически без рук. На правой нет кисти, а левая – так посинела и болит, что нет никакой надежды на её спасение. К тому же у лётчика стимул к жизни был – вернуться к любимому делу, моё же любимое дело – горный туризм – для меня закончилось навсегда. Даже если и сохранится рука, то всё, что смогу, – это утку себе самостоятельно поставить». Мысль о том, что можно прожить за счёт женщины, была для него совсем невыносима. Кавказец, а тем более мусульманин с молоком матери усваивает своё предназначение на земле: кормить семью. Не менее отвратительны были мысли и о попрошайничестве. Был у них в городе известный всем безногий инвалид, прочно обосновавшийся при входе на колхозный рынок. Он выставял напоказ свои культы ног и сирым от постоянного пьянства голосом просил помочь инвалиду Красной армии, жертве Антанты. Весь город знал, что никакой он не ветеран, а заблудшая душа, по пьяному делу попавшая под колёса маневрового паровоза, но милостыню подавали, пытаясь прикинуть, сколько же собирает инвалид, если каждый день водку у всех на глазах закусывает колбасой, купленной в коммерческом магазине, недоступном большинству из горожан.

Одна мысль о том, что и он, обнажив свои увечья, сядет с протянутой рукой, была Руслану совершенно ненавистна, но страшнее всего были для него мысли о близости с женщиной – теперь, когда он стал калекой. В первые дни осознания своей беды, стоило ему забыться тяжёлым сном, ему снилось злое лицо Норы, которое кричало:

– Никакой ты не жеребец, а жалкий обрубок!

Очнувшись от этого кошмара, он поймал себя на мысли, что хорошо было бы, если бы от пережитого стресса навсегда ушло желание. Так было бы проще. Но по мере того как заживали раны, всё яснее становилось, что эти надежды напрасны. В одну из ночей приснился ему сон, где он, ещё здоровый и сильный, сидел у костра на одном из горных перевалов. Напротив, него, освещённая пламенем костра, сидела Доцентша, но не та жёсткая и мужеподобная, какой он помнил её, а красивая и женственная. Странно растягивая слова, она говорила:

– Мой славный мальчик! Ты зря думал, что стал мужчиной с этой глупой курицей Ольгой. Такие, как она, на это не способны. Это я была у тебя в палатке, потому что хотела тебя весь этот длинный поход, а я всегда делаю то, что хочу! Я хочу, хочу тебя!

– Но я калека...

– Ну и что же, ты настоящий мужчина, и этого у тебя никто не отнимет.

Он протянул к ней руки, желая обнять, но в это мгновение проснулся от сладостной боли желания, наполнившей всё его тело. «Да, да, это, конечно, была она, – вздохнул он, поражённый прозрением. – Я должен был догадаться! Недаром говорят, что сон – это интуитивное осмысление действительности. Постеснялась своего возраста, вот и не открылась, но на такое действительно была способна только она, эта смелая и волевая женщина. Увы! Теперь уже я обречён всю жизнь стесняться своего искалеченного тела...»

С той поры ему постоянно стали сниться эротические сны, а помочь себе он был не в силах. Особенно усилилось желание, когда стало ясно, что левую руку, стараниями Лизы и Лейлы, удалось сохранить. Постепенно уходила боль, сходил отёк. Однажды утром он понял, что может пошевелить пальцами. Впервые за все эти дни он ощутил что-то похожее, на радость. Во время утреннего обхода он показал хирургу, как движутся пальцы, и тот заверил, что рука спасена. Обе его спасительницы, Лиза и Лейла, не скрывали радости, смотрели на него, как смотрит мать на выздоравливающего ребёнка. Днём, когда ухаживающая за ним Лейла попыталась поставить ему утку, произошёл конфуз, из-за которого они оба зарделись, а Руслан тихо сказал ей:

– Больше не надо, я сам. – И локтями натянул на себя одеяло, скрывая своё желание.

Лейла спорить не стала, и, пока Руслан не научился ставить утку выздоравливающей рукой, обслуживать его она просила бабу Зину.

Странные и мучительные отношения сложились у Руслана с Лизой. Когда-то он страстно мечтал увидеть её хотя бы ещё один раз. Показать ей во всей своей мужской силе, узнать у неё, почему она перестала писать. Сейчас же он хотел только одного: чтобы её не было рядом. Да, он был ей благодарен за то, что она спасла его руку от ампутации, но мысль о том, что он вызывает у неё чувство жалости, была непереносима. Из разговоров раненых, которые давно лежали в этом госпитале, он знал, что Лиза замужем, детей нет и её муж-хирург работает в полевом госпитале на Северо-Западном фронте и какая-то причина мешает им быть вместе. Ходили сплетни, что к ней равнодушен оперировавший его хирург – осетин, у которого за линией фронта остались жена и сын. И все эти сплетни, и она сама вызывали у него неприятное чувство. Кроме того, Лиза очень изменилась и стала мало похожа на прежнюю, весёлую и озорную девчонку. На её сильно похудевшем лице некрасиво выдавался крупный нос. Между бровями залегла глубокая складка, а так красившая её улыбка редко появлялась на строгом и сосредоточенном лице. Она ни разу не попыталась заговорить с ним. Как-то после болезненной перевязки Лиза погладила его по жёстким волосам, но он, дёрнув головой, дал понять, что ему неприятно, и она, убрав руку, больше его не задевала.

Когда фронт отошёл на Запад и поползли слухи, что их полевой госпиталь перемещают ближе к его новой линии, Руслану предложили продолжить курс лечения в санатории под Сочи. Он наотрез отказался. Вслед за уходящим фронтом он послал письмо в Черкесск матери и ждал от неё ответа. Вскоре слухи о закрытии госпиталя в Боевом подтвердились, и раненых начали переводить в другие места. Всё ещё загипсованного балагура Стёпу переводили в сухумский госпиталь. Не скрывая своей радости, он разглагольствовал:

– Правильно я на Кавказ записался. Все тридцать три удовольствия: и горы, и море...

Странно было слушать такое от парня, по всей видимости навсегда прикованного к больничной койке или в лучшем случае к инвалидному креслу. «Ненормальные они, эти русские, чего веселятся – и сами не знают, – думал Руслан, глядя на неунывающего Степана, – но легко с ними, не надо напрягаться, чтобы казаться лучше. Это перед кавказцем слабость свою показать нельзя, а эти пожалеют и про свои проблемы с удовольствием поговорят. Правда, задевать за живое и обманывать нельзя, свирепеют в момент. Жаль расставаться с этим смешным Стёпой».

Вскоре в оренбургский госпиталь отправился и сосед справа, а потом незаметно опустела практически вся палата. Пока решали вопрос о том, что делать с Русланом, пришёл ответ из дома, но не от матери, а от соседей. Они писали, что его мать месяц назад скончалась от воспаления лёгких и что они постараются передать его письмо родственникам. Это известие окончательно сломило Руслана. Было невыносимо жалко мать. Страшила и своя собственная судьба. «Всех моих близких забрала эта проклятая война, а меня оставила совершенно беспомощным», – думал он, комкая единственной рукой страшное письмо. Слёзы, которые давно скопились в его истерзанной душе, потекли из широко открытых глаз, сбегая по отросшей бороде на подушку. В эту горькую минуту, когда к нему с очередной перевязкой подошла Лиза, он протянул ей скомканное письмо. Никого роднее её на этой земле для него не осталось. Пробежав письмо глазами, Лиза присела рядом и, глядя его по выздоравливающей руке, как заклинание, повторяла:

– Держись, мой хороший, держись, я с тобой.

От этих простых слов слёзы потекли ещё сильнее, но на душе стало легче. Ночью, во время дежурства, Лиза пришла опять, присев на низкий табурет, стоявший в опустевшей палате рядом с кроватью, она тихо начала разговор, которого они оба ждали.

– Руслан, так случилось, что после Кавказа закончилось моё счастливое и беззаботное детство. Хорошо, что я успела написать тебе из Адлера, а так не было бы даже этого письма, в котором мне очень хотелось признаться, что люблю тебя, но я не решилась. Да и сомнения мучили – нужны ли тебе мои признания? Уехал неожиданно, а тут ещё и эта стерва Раиса гадостей наговорила... Дома одно за одним повалились несчастья...

Глава 3. Мать и дочь

Лизины беды начались прямо на перроне вокзала. Как только они, шумные и весёлые, выгрузили на рыбинском вокзале свои рюкзаки, к Витьке подошли двое и заявили, что он арестован.

– Вы чего, мужики? – недоуменно уставился он на них. – За что? Я на Кавказе был, вот домой еду...

Со всем своим комсомольским задором Лиза бросилась было спасать Витьку и объяснять, что он ни в чём не виноват и они действительно едут с Кавказа, но встречавшая её мать утащила её от греха подальше, зло шепча на ухо:

– Уймись, дура, а то и тебя загребут.

– За что? – недоумевала Лиза. – За что?

– Найдут за что, – заверила ее мать.

Про Лизину маму – Ефимию Петровну знакомые говорили, что хоть она читать, писать не умеет, но шибко грамотная, как учительша. Грамоты ей, действительно, выучить не пришлось, а вот жизненной мудрости набраться было где. Родом она была из Тверской губернии. Ей только миновал шестой годок, как сгорел их крепкий крестьянский дом, доставшийся матери в приданое от зажиточного деда. Имевшиеся в семье деньги удалось спасти, и на них работающая семья быстро возвела новый дом. Однако и новый дом вскоре сгорел, запылав от удара молнии. В этот раз семья едва успела выбраться из дома, оставшись не только без денег, но и без куска хлеба. Старшие братья Фимы, желавшие избавиться от лишнего рта, уговорили престарелых родителей отдать сестру в небогатую семью, как говаривали тогда, в услужение. К этому времени Фиме едва исполнилось семь.

Одними из первых незабываемых воспоминаний о безрадостном детстве были у Фимы подзатыльники хозяев, валившиеся на её детскую головку за то, что, разомлев в тепле за печкой, она роняла из сонных ручек хозяйского младенца. Потом, уже подросткую и боевую, её переманили к себе в горничные богатые соседи бывших хозяев. В памяти о жизни у новых хозяев остались те редкие часы покоя, когда хозяева уходили в гости, а она, забравшись в сундуки, рядилась в старые наряды хозяйки. Однажды, уснув на горе вывернутого из сундука тряпья, Фима проснулась от пинка вернувшейся из гостей разъярённой барыни. Та от души потешилась, таская девчонку за косы приговаривая:

– Не бери чужого!

Уже девушкой, её забрала к себе в помощницы дальняя родственница, служившая экономкой у барона Розенбаха в Петербурге. Жить у барона было хорошо. Человек он был одинокий и добрый. Да и его экономка, а скорее невенчанная жена, очень привязалась к весёлой родственнице, которая и готовила хорошо и всякими байками рассмешить могла. Особенно удавались Фиме байки про попов, которых она, по известной российской привычке, недолюбливала, хотя каждое воскресенье ходила в церковь. В эти дни экономка Амалия Александровна обязательно вечером заходила на кухню, ожидая Фиминых анекдотов. Часто на доносившийся из кухни смех заглядывал и сам барон и, смущаясь своего интереса к женской болтовне, усаживался на низенькой скамеечке у тёплой печки, посмеиваясь в усы от кухаркиных рассказов. Фима могла не только смешно рассказать о самых простых вещах, но ещё и очень уморительно изображала в лицах героев своих наблюдений. Безусловно, главной героиней была она сама – бестолковая и беззаботная, но всегда остающаяся в выигрыше. Слушать Фимины байки заходил истопник Василий, угрюмый малый, давно и безнадежно влюблённый в весёлую кухарку. Когда Ефимию привезли из Твери в Питер, у барона был целый двор прислуги, на одной кухне работало четверо, и Фиме в первое время доверяли только тесто месить. Выйдя в отставку с военной службы, барон вдвое сократил штат обслуги. С началом Первой мировой, когда дела

барона совершенно расстроились, пришлось оставить в доме только Амалию, Фиму да Василия.

Фима не только развлекала стариков, но и была для них в это смутное время источником свежих городских новостей, которые ещё до сообщений в газетах каким-то удивительным образом появлялись вначале на базарах и лавках, куда Фима ежедневно ходила за провиантом.

Детей у барона не было, а немногочисленные родственники, занятые своими проблемами, мало им интересовались, поэтому неудивительно, что одинокий пожилой человек вслед за Амалией привязался к девушке как к близкому человеку. Когда Ефимия, на двадцать седьмом году жизни, собралась замуж, старики загрустили, но приложили все усилия, чтобы венчание Фимы состоялось в Казанском соборе, куда простому человеку было не попасть. В этом же соборе прошли крестины появившейся в январе семнадцатого года Фиминой дочери – Лизы, крёстными которой стали барон с Амалией Александровной. Молодая семья поселилась в Фиминой комнате (на чём настоял Розенбах), наполняя сердца пожилой четы тихой радостью и интересом к жизни.

Фима, практически не знавшая родителей, со своей стороны тоже очень привязалась к своим хозяевам и служила им верой и правдой. Муж её, Николай, работал на Путиловском заводе слесарем. Они были родом из одной деревни и, случайно встретившись в Питере, как-то незаметно сошлись и поженились. Коля, тихий увалень, души не чаял в своей разбитной и весёлой жёнушке, которая петь-плясать была мастерица, и работа у неё в руках кипела. Бушевавшая в Европе война и последовавшие за нею революции до поры до времени обходили молодую семью стороной. Николай был классный слесарь, незаменимый на ремонтах военной техники, по этой причине на фронт его не брали. В рабочие комитеты он записываться не стал, отвечая на приглашения скупно, но ёмко:

– Неча мне там делать, трепаться – не мешки ворочать...

Грянувшая революция, а за нею красный террор и голод разрушили начавшую налаживаться жизнь Фиминой семьи. Когда по городу поползли слухи о том, что большевики вылавливают и расстреливают царских офицеров, они с Николаем упросили барона и Амалию не выходить из дома и всем рассказывали, что барон бежал за границу. Тайна открылась, когда в восемнадцатом году их пришли уплотнять, то есть заселять рабочих в барские квартиры. Стариков обнаружили и увели. Через несколько дней, больная и растерзанная, Амалия Александровна вернулась домой со страшной новостью о том, что Георгий Фёдорович, быстрее всего, расстрелян, так как вместе с другими офицерами его увели в особняк на Литейном. Из подвалов этого угрюмого дома непрерывно доносились выстрелы. Её же вместе с другими арестованными женщинами долго держали в неотопливаемом помещении и среди немногих выпустили сегодня, так как во время ареста барон заявил, что Амалия Александровна его прислуга.

Фима уступила больной свою постель (на Амалиной уже несколько дней спали подселенцы), напоила старушку лекарствами, а сама с мужем улеглась на полу, прислушиваясь к тяжёлому дыханию больной. Утром, когда Амалию Александровну осмотрел доктор, он безапелляционно заявил, что её уже не спасти. Через две бредовых и бессонных ночи она уснула навек, и на следующий день её похоронили. Фима убивалась по усопшей, как по родной матери, проклиная войну, революцию, а главное – этих неизвестно откуда взявшихся большевиков.

Вскоре стало ясно, что оставаться в голодном и простреливаемом Питере опасно, и Ефимия засобиравшись в Сибирь к двоюродному брату, который давно звал её к себе. Во всём слушавшийся свою бедовую жену, Николай не возражал и, упаковав нехитрые пожитки, отправился вместе с семьёй в далёкий сибирский город. Ефимия Петровна не любила вспоминать, как добиралась семья через взбунтовавшуюся и тифозную Россию в Сибирь, но всегда говорила, что от судьбы не убежишь. Война и революция достали их и здесь. Как только большевики заняли столицу колчаковской России – Омск, Николая забрали в Красную армию. Отка-

заться было нельзя – или на фронт, или расстрел. Вскоре, так и не разобравшись, за что он сражается, Николай погиб, а Фима навсегда стала женой погибшего красноармейца. Денег это звание не давало, но вот от репрессий, которые обрушились на деморализованных жестокостью большевиков россиян, всё же защищало. Буквально через месяц после гибели мужа у Фимы от тифа умерла вторая дочка, родившаяся в Сибири. Лиза тоже долго болела, но выжила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.